ВОСПОМИНАНІЯ ЕКАТЕРИНЫ ИВАНОВНЫ РАЕВСКОЙ.

I.

Мой отецъ и мать.—Дядя князь П. Н. Оболенскій.—Дядя Д. А. Новосильцовъ.—Бабушка В. И. Бибикова.—Е. Е. Давыдова.—А. П. Бибиковъ и его семейство.—Г. И. Бибиковъ.—Разсказы моего отца про свое дѣтство.

ТЦА МОЕГО звали Иваномъ Петровичемъ Бибиковымъ. Матушка моя, Софья Гавриловна, была также рожденная Бибикова, но не родня отцу, хотя родоначальникъ у нихъ былъ общій [1]).

Матушка моего отца, Варвара Александровна, была родомъ Новосильцова, а бабушка его — рожденная княжна Оболенская, потому Новосильцовы и князья Оболенскіе считаются намъ родственниками.

Дядю моего отца, князя Петра Николаевича Оболенскаго, я еще видала у насъ въ дѣтствѣ своемъ, и къ нему насъ, дѣтей, возили. У него былъ свой большой домъ въ Москвѣ, на Новинскомъ бульварѣ.

Это былъ старичекъ небольшого роста, съ высокимъ лбомъ, зачесанными назадъ, напудреными бѣлыми волосами, умными голубыми глазами, любезный, веселый и рѣзвый, несмотря на его преклонныя лѣта.

Другой дядя моего отца, братъ его матери, Дмитрій Александро-

[1]) Смотри «Родословную семейства Бибиковыхъ» въ приложеніи къ этимъ воспоминаніямъ.

вичъ Новосильцовъ, былъ совершенною противоположностью князю Петру Николаевичу Оболенскому. Высокаго роста, широкоплечій, довольно тучный, онъ держалъ себя съ прирожденнымъ достоинствомъ, былъ ума серьезнаго, почти суроваго и строгаго, хотя привѣтливъ къ намъ, дѣтямъ.

Длинные, бѣлые, напудренные волосы окаймляли его красивое, съ правильными чертами старческое лицо и падали почти до плечъ, глаза его были черные, строгіе. Онъ былъ замѣчательно умнымъ человѣкомъ. Смерть единственнаго сына, убитаго на дуэли, разбила его жизнь и, вѣроятно, наложила печать на всю его внѣшность.

Варвара Александровна Бибикова была женщина богомольная, въ духѣ прошлаго столѣтія. Она, говорятъ, обѣдни и всенощныя выстаивала въ Москвѣ въ церкви Василія Блаженнаго, надѣвъ на плечи желѣзныя вериги этого святого угодника. Эти вериги до сихъ поръ хранятся въ храмѣ, во имя его построенномъ; я ихъ тамъ видѣла. Ни одна изъ насъ, современныхъ женщинъ, обѣими руками не была бы въ состояніи ихъ поднять.

Бабушка Варвара Александровна скончалась въ 1787 году, нѣсколько дней спустя послѣ рожденія моего отца, который былъ восьмимѣсячнымъ недоноскомъ. Первое время его завертывали въ мѣховое одѣяло, а подъ одѣяло подкладывали грѣтые кирпичи. Несмотря на то, что, по мнѣнію врачей, восьмимѣсячные недоноски жить не могутъ, отецъ мой выросъ, былъ крѣпкаго сложенія, обладалъ желѣзнымъ здоровьемъ и до старости былъ неутомимъ во всѣхъ тѣлесныхъ упражненіяхъ.

По кончинѣ жены, дѣдушка Петръ Петровичъ Бибиковъ уѣхалъ за границу. Новорожденное дитя осталось на попеченіи родного дѣда Петра Ивановича Бибикова. И любилъ и баловалъ же его этотъ дѣдъ! Отецъ мнѣ разсказывалъ, что у него, у маленькаго, были три крѣпостныя няньки, которыя, кушалъ ли барченокъ или что другое дѣлалъ, безъ устали передъ нимъ плясали. Вздумаетъ барчукъ прокатиться, запрягаютъ ему линейку, гдѣ онъ съ няньками усаживается, а около него скачутъ верховые, вооруженные арапниками и длинными пиками, и по деревнѣ то дразнятъ пиками дворныхъ собакъ, то арапниками хлещутъ все и вся, что ни попадется на глаза, чтобъ забавить этимъ дитё. Наскучитъ и это барчуку.

— Дѣдушка! — кричитъ мальчикъ.—Дѣдушка! хочу, чтобъ тебя водой окачивали!

И дѣдушка-старикъ, во всякую погоду, становится у колодца: лакеи изъ колодца его окачиваютъ холодной водой, а мальчикъ хохочетъ, глядя, какія гримасы корчитъ продрогшій баловникъ-дѣдушка.

Не понимаю, какъ при такомъ воспитаніи могъ выработаться образованный, гуманный человѣкъ, какимъ былъ мой отецъ. Онъ владѣлъ грамотно-литературнымъ русскимъ и французскимъ язы-

комъ, отличался лоскомъ лучшаго общества и тонкимъ художественнымъ вкусомъ. Полагаю, что онъ этимъ обязанъ возвращенію отца своего изъ-за границы и второму его браку. Мачиху свою Екатерину Евдокимовну, рожденную Давыдову [1]), отецъ мой любилъ и почиталъ, какъ родную мать: она же вполнѣ была достойна этой любви и уваженія. Женщина умная и добрая, она пеклась о пасынкѣ, какъ о родномъ сынѣ: своихъ дѣтей у нея не было. Мужъ ея, занятый болѣе путешествіями за границу и ведя жизнь роскошную знатнаго барина тогдашняго времени, оставилъ послѣ себя дѣла въ жалкомъ положеніи. Мачиха моего отца, разсудительная, умная и честная женщина, стала приводить въ порядокъ дѣла мужа, не щадя и собственнаго состоянія для уплаты его долговъ. Батюшка это видѣлъ и вполнѣ цѣнилъ. Когда ему минуло семнадцать лѣтъ, онъ въ одно прекрасное утро продалъ за сто тысячъ тѣ пятьсотъ душъ, что наслѣдовалъ отъ родной матери Варвары Александровны, привезъ эти деньги мачихѣ и отдалъ ей.

— Матушка,—сказалъ онъ,—я поступилъ въ военную службу. Уѣзжаю офицеромъ на Кавказъ. Меня тамъ, можетъ быть, убьютъ. Мнѣ ничего не нужно. Я продалъ имѣніе. Вотъ вамъ деньги.

Екатерина Евдокимовна расплакалась и горячо обняла его.

— Иванъ Петровичъ! — сказала она рыдая, — сынъ мой! Все, что мое, будетъ твое.

Когда отецъ женился, Екатерина Евдокимовна полюбила матушку мою, какъ родную дочь; часто со слезами разсказывала она ей вышеописанную трогательную сцену; отъ матери мы не разъ о ней слыхали, поэтому могу, не ошибаясь, слово въ слово ее здѣсь записать.

Несмотря на разницу лѣтъ, матушка со свекровью были искренними друзьями. Во все время послѣдней болѣзни Екатерины Евдокимовны, продолжавшейся нѣсколько недѣль, матушка день и ночь за ней ходила и, вмѣстѣ съ благословеніемъ, приняла ея послѣдній вздохъ. Это было за нѣсколько дней до рожденія моей меньшей сестры Елисаветы.

Екатерина Евдокимовна не забыла обѣщанія, даннаго ею пасынку. Она, по завѣщанію, оставила ему свое имѣніе Рязанской губерніи, Данковскаго уѣзда, село Сергіевское [2]), куда мы переселились нѣсколько лѣтъ спустя послѣ ея смерти.

Братъ моего дѣда, Петра Петровича, Александръ Петровичъ Бибиковъ, раздѣляя вкусы брата, такъ же, какъ и онъ, жилъ роскошно, ѣздилъ за границу, гдѣ покупалъ картины лучшихъ мастеровъ и составилъ себѣ цѣлую галлерею. И онъ такъ же, какъ и

---

[1]) Тетку поэта и партизана Дениса Давыдова.

[2]) По дарственной отъ отца моего принадлежитъ теперь моему племяннику Гавріилу Ильичу Бибикову, сыну брата моего Ильи Ивановича (1895 г.).

братъ, разорился; умирая оставилъ молодую вдову, двухъ дочерей, Марью и Софью, и малолѣтняго сына Виктора въ плачевномъ состояніи. Но молодая вдова такъ же, какъ и Екатерина Евдокимовна, принялась энергично за дѣло, распродала всѣ картины, роскошныя колекціи мужа, даже дорогіе паркеты его дома и расплатилась со всѣми кредиторами. Посвятивъ всю жизнь дѣтямъ, она скромно жила то въ деревнѣ, то въ отдаленномъ кварталѣ города Москвы [1]) и сумѣла составить дѣтямъ независимое состояніе. Старшую дочь, Марію, при выходѣ ея замужъ за князя Хованскаго, наградила крупнымъ капиталомъ. Сынъ ея, Викторъ Александровичъ Бибиковъ, сначала служилъ въ гвардіи, потомъ былъ шталмейстеромъ при дворѣ императора Александра II. Онъ получилъ отъ матери отличное состояніе, которое даже увеличилъ, хотя, унаслѣдовавъ вкусы отца, ѣзжалъ за границу и составилъ себѣ богатую коллекцію картинъ, которыя, умирая холостымъ, завѣщалъ императорскому дому [2]).

Отецъ мой, будучи на шестнадцатомъ году круглымъ сиротою и владѣя собственнымъ хорошимъ состояніемъ, былъ свободенъ дѣлать все, чего бы ни захотѣлъ. Мачиха руководила имъ только вліяніемъ любящаго сердца. Часто ѣзжалъ онъ тогда къ моему дѣду по матери, Гавріилѣ Ильичу Бибикову, о которомъ буду говорить ниже.

Гавріилъ Ильичъ не былъ родственникомъ моему отцу [3]), но очень любилъ его, цѣня въ этомъ юношѣ, почти мальчикѣ, природный, образованный умъ и благоразуміе не по лѣтамъ.

— Какъ жаль,—говаривалъ Гавріилъ Ильичъ,—что Иванъ Бибиковъ такъ молодъ! Если бъ не его лѣта, я былъ бы очень радъ, если бъ одна изъ моихъ старшихъ дочерей вышла за него замужъ.

Прибавлю, что самъ Гавріилъ Ильичъ и жена его, моя бабушка, были очень разборчивы на жениховъ для дочерей своихъ. Во время этихъ посѣщеній отецъ мой, съ самаго юношества, страстно влюбился въ мою мать, вторую дочь Гавріила Ильича, но жениться на

---

[1]) Матушка насъ къ нимъ возила. Дочь ея Софья была замѣчательная бѣлокурая красавица. Она скончалась въ молодыхъ годахъ дѣвицей.

[2]) Другихъ близкихъ родныхъ у моего отца не было; были троюродные дяди, которыхъ я знала, помѣщики Данковскаго уѣзда, Рязанской губерніи, почтенныя личности, но они скончались, не оставивъ мужскаго потомства, кромѣ внука Павла Матвѣевича, холостого.

Есть еще въ томъ же уѣздѣ два брата: всѣми почитаемый Иванъ Павловичъ Бибиковъ, бывшій много лѣтъ предводителемъ дворянства, дальній родственникъ моего отца, и братъ его Александръ Павловичъ, оба пожилые холостяки. Другихъ родственниковъ Бибиковыхъ не знавала. Былъ Бибиковъ, Василій Ивановичъ, въ Епифанскомъ уѣздѣ, Тульской губерніи, но скончался; сыновей не оставилъ. У брата же его Дмитрія Ивановича одинъ сынъ Михаилъ, а у него сынъ Дмитрій, женатый на Болотовой.

[3]) Хотя родоначальникъ у нихъ былъ общій: Жидимиръ, изъ князей Синей Орды.

ней удалось ему только въ 1814-мъ году, по окончаніи войны съ Наполеономъ. Въ этой войнѣ такъ же, какъ и въ турецкой кампаніи, участвовалъ мой отецъ, будучи адъютантомъ генерала Тормазова. Тутъ же былъ онъ ядромъ сильно контуженъ въ ногу.

Отецъ въ старости любилъ разсказывать про свое дѣтство, а мы любили его слушать.

«Когда мнѣ было пятнадцать лѣтъ», говорилъ онъ, «я наслѣдовалъ послѣ отца мальтійскій орденъ, пожалованный ему императоромъ Павломъ Петровичемъ [1]). Вотъ и вздумалось мнѣ пощеголять: надѣлъ красный мальтійскій мундиръ, орденъ и отправился на балъ. Отплясываю тамъ во всю мочь». (Танцовалъ мой отецъ очень хорошо, и всѣ въ то время молодые люди). «Вдругъ слышу, кто-то изъ гостей говоритъ:

— «Смотри-ка, смотри-ка! какъ этотъ красный-то, красный-то ногами что выкидываетъ! Словно бѣсъ какой!

«Ну-съ, съ тѣхъ поръ баста! краснаго мундира больше не надѣвалъ!»

— Разскажите, папа́, какъ вы у мачихи своей жили?

«Со мной»,—сказалъ отецъ,—«воспитывались племянники моей мачихи, Давыдовы [2]), и братъ мой двоюродный, Петръ Бибиковъ [3]). Петръ не отличался умственными способностями, но былъ добрый малый; Давыдовы же были умницы. Бѣдный Петръ часто страдалъ отъ нашихъ насмѣшекъ. Разъ, шутки наши и шалости едва не кончились трагически. Вздумали мы Петра повѣсить на люстрѣ въ большой залѣ, куда рѣдко кто заходилъ. Уговорили его; привязали веревку къ люстрѣ, а на другомъ концѣ ея сдѣлали петлю; петлю надѣли Петру, на шею, а подъ ноги подставили ему высокую скамью.

«Вдругъ слышимъ шаги въ коридорѣ. Мы испугались, Давыдовы и я бросились бѣжать. Повѣшенный также испугался, хотѣлъ соскочить; скамейка опрокинулась, онъ повисъ на веревкѣ! Къ счастью, шаги приблизились, вошелъ нашъ дядька и вынулъ изъ петли Петра уже посинѣвшаго и почти потерявшаго сознаніе.

«Этотъ же дядька съ нами бѣдовую шутку было сыгралъ. Мы, потихоньку отъ мачихи, хаживали въ деревнѣ на охоту съ ружьемъ, а порохъ лѣтомъ прятали въ печкѣ, у себя въ флигелѣ. Однажды, вечеромъ, мы уже легли спать, но, къ счастью, не успѣли еще заснуть. Видимъ, крадется дядька со свѣчей къ печкѣ и ворчитъ про себя.

— «Повѣсы! шалуны! задамъ вамъ потихонько отъ барыни на

---

[1]) Въ то время мальтійскій орденъ, послѣ смерти отца, переходилъ по наслѣдству старшему сыну.

[2]) Денисъ Васильевичъ Давыдовъ, извѣстный партизанъ 1812 г., и братья его Левъ Васильевичъ и Евдокимъ Васильевичъ, впослѣдствіи генералъ-адъютантъ, раненый на войнѣ, остроумнѣйшій человѣкъ своего времени.

[3]) Убитъ подъ Бородинымъ, еще молодымъ человѣкомъ, холостымъ.

охоту ходить! Подпалю вашъ проклятый порохъ! Нечѣмъ вамъ будетъ ружья-то заряжать!

«Самъ несетъ поджижки, суетъ ихъ въ печку, гдѣ боченокъ съ порохомъ стоитъ, а свѣчу подноситъ къ поджижкамъ... Мы только успѣли съ кроватей повскакать, да свѣчу его затушить. А онъ на насъ пуще ругается.

— «Дуракъ! что ты дѣлаешь? Вѣдь ты насъ, и себя, и весь флигель разнесъ бы? Хорошо, что мы услыхали твое ворчанье.

«Когда онъ, наконецъ, понялъ, въ чемъ дѣло, то затрясся всѣмъ тѣломъ.

— «Голубчики! только барынѣ обо мнѣ не сказывайте! а сами стрѣляйте сколько угодно; я никому про то не скажу».

— Папа́! разскажите еще что нибудь про ваши проказы.

«Ужъ подлинно—проказы! Разскажу вамъ, какъ я напугалъ старую барышню Х***. Повадилась она въ Москвѣ ѣздить къ мачихѣ моей и надоѣдать намъ своими нравоученіями. Пріѣзжаетъ она разъ весной, сидитъ у матушки, а запряженная карета на дворѣ у насъ стоитъ. Лошадей привязали возлѣ сарая, лакей съ кучеромъ ушли въ людскую. Я этимъ воспользовался, залѣзъ въ карету. Тогдашнія кареты были просторныя, не то, что нынѣшнія, а подъ сидѣніемъ бывало пустое мѣсто, въ родѣ ящика, куда клали клажу и провизію съѣстную на дорогу. Я забился въ это пустое мѣсто и жду. Вотъ слышу—подаютъ карету; ѣдетъ старая дѣвка домой. Я немного подождалъ, пока не выѣдутъ на людную улицу: тутъ сталъ кричать не своимъ голосомъ: Батюшки! задавили! задавили!

«Старуха дергаетъ шнурокъ, что привязанъ къ рукѣ кучера.

— «Стой! стой!—кричитъ.

«Останавливаютъ карету, лакей слѣзаетъ съ запятокъ.

— «Что вы глядите, ротозѣи?—сердится барыня. — Мы кого-то задавили!

— «Никого нѣтъ-съ, сударыня! Никого не задавили.

«Поѣхали. Какъ отъѣхали нѣсколько шаговъ, я опять кричу:

— «Батюшки! задавили!

«Барыня бросается къ окну, опускаетъ его, зоветъ людей. Опять останавливаются, смотрятъ подъ каретой, вездѣ—нѣтъ никого. И такъ разъ десять, пока не доѣхали до ея дома, повторялась та же комедія. Повѣришь ли? Вѣдь старуху полу-мертвую изъ кареты на рукахъ вынесли! Она была увѣрена, что нечистая сила надъ ней подшутила; такъ при этомъ и осталась, никогда правды не узнала».

Отецъ не терпѣлъ лгуновъ, а особенно лгуновъ-хвастуновъ; за эти два качества досталось отъ него троюродному брату, имя и фамилію котораго позабыла. Это было еще до отъѣзда отца на Кавказъ, въ царствованіе Павла Петровича, когда все трепетало, не

только въ Петербургѣ, но и въ Москвѣ, гдѣ отецъ тогда жилъ. Пріѣзжаетъ къ нему нашъ хвастунъ. Отецъ прикидывается очень озабоченнымъ: задумчивый и нахмуренный ходитъ по комнатѣ.

— Что съ тобой?—спрашиваетъ гость.

— До вотъ, братецъ, пишутъ мнѣ изъ Петербурга: на достроенномъ недавно Исакіевскомъ соборѣ надпись нашли. Умно-то, очень умно написано, да что изъ этого будетъ?

— А что написано?

Двухъ царствіевъ се памятникъ приличный:
Низъ мраморный, а верхъ—кирпичный.

— Знаютъ, кто написалъ [1])?

— Нѣтъ, не знаютъ, а должно быть—умница!

— Хочешь, я скажу тебѣ, кто сочинилъ?—говоритъ нашъ хвастунъ.

— А кто?

— Я!

— Ахъ, ты, враль! дуракъ! — перемѣнивъ тонъ, говоритъ ему отецъ.—А знаешь ли ты, что приказано сдѣлать съ авторомъ, если его найдутъ?

— Что?

— Языкъ отрѣзать и правую руку, и сослать въ Сибирь.

Хвастунъ поблѣднѣлъ, какъ полотно, на мѣстѣ присѣлъ, съ нимъ сдѣлалось дурно... Отецъ принужденъ былъ стащить его къ себѣ на кровать: оттуда его еле-живого отвезли домой.

Отецъ разсказывалъ намъ также о впечатлѣніи, произведенномъ въ Москвѣ извѣстіемъ о кончинѣ Павла I.

«Ничего еще не знаю, иду я по улицѣ,—говорилъ онъ, вижу, летитъ мнѣ навстрѣчу, стоя на дрожкахъ, на всѣхъ рысяхъ, знакомый господинъ, машетъ мнѣ шапкой и кричитъ, что есть мочи:

— «Императоръ умеръ!

— «Ты съ ума сошелъ!—говорю.—Что ты кричишь!

— «Ничего! ничего! правда! правда!

«Въ домахъ, на улицахъ обнимали другъ друга съ радостными слезами».

Не то было при кончинѣ Александра I Благословеннаго. Я была тогда еще ребенкомъ, но видѣла, какъ отецъ и мать плакали съ горя, и каково было всеобщее уныніе. Не то было при кончинѣ Николая I, который оплаканъ былъ многими, ему преданными и близко

[1]) Настоящій авторъ этого двустишія остался неизвѣстнымъ, но былъ заподозрѣнъ одинъ господинъ, имя котораго я позабыла. Ему отрѣзали языкъ и сослали въ Сибирь, откуда онъ былъ возвращенъ при вступленіи на престолъ Александра I. Отецъ мой часто видалъ этого несчастнаго въ Москвѣ, въ англійскомъ клубѣ. У него на шеѣ висѣла аспидная доска и грифель. На этой доскѣ онъ писалъ свои отвѣты во время разговора.

его знающими [1]). Не то было при кончинѣ Александра II Освободителя: въ Москвѣ, въ домахъ, въ церквахъ, на улицахъ, плакали навзрыдъ. Не то было при кончинѣ Александра III Миротворца, оплаканнаго не только всей Россіею, но и всей Европой [2]). То были воистину цари народа русскаго, о которомъ говоритъ Достоевскій въ предсмертномъ «Дневникѣ» своемъ отъ 1-го января 1881 года: «Есть у него (у народа русскаго) только—Богъ и царь,—вотъ этими двумя силами и двумя великими надеждами онъ и держится».

II.

Любовь моего отца къ изящному.—Стихотворенія отца.—Князь М. Д. Горчаковъ.—Д. В. Давыдовъ.—Камердинеръ отца Латуръ.—Посылка отца курьеромъ.—Императоръ Александръ I и императрица Елисавета Алексѣевна.—Императрица Александра Ѳеодоровна.—Баронъ Мирбахъ.—Императоръ Николай I.

Бибиковы, изъ семьи моего отца, были всѣ бѣлокурые, съ голубыми глазами и не отличались особенной красотой. У отца моего было лицо пріятное, выражающее благородство его души, умъ и доброту, красавцемъ же его назвать было нельзя. Всѣ же Бибиковы, его семьи, были, безъ исключенія, образованы, умны, обладали тонкимъ пониманіемъ изящнаго и любовью къ искусству, въ чемъ бы оно ни проявлялось.

Дѣдъ мой по отцу, Петръ Петровичъ, и братъ его Александръ Петровичъ Бибиковы много путешествовали по Европѣ, откуда вывезли замѣчательныя галереи картинъ, въ числѣ которыхъ были Рембранты, Ванъ-Дейки, Рубенсы и другія произведенія знаменитыхъ мастеровъ [3]). Колыбель моего отца стояла въ этой галереѣ, и съ колыбели, можно сказать, развился у него вкусъ къ изящному. Онъ сталъ замѣчательнымъ знатокомъ въ картинахъ, и стоило ему одного взгляда, чтобы опредѣлить имя живописца, къ чьей кисти картина принадлежитъ. Впослѣдствіи отецъ выстроилъ въ имѣніи матери моей, Московской губерніи, Звенигородскаго уѣзда, въ селѣ Михайловскомъ, большой, красивый домъ и въ немъ картинную галерею, гдѣ помѣщались произведенія хорошихъ мастеровъ [4]).

---

[1]) Я свидѣтельница тому, какъ свѣтлѣйшій князь Александръ Карловичъ Лиценъ и жена его Екатерина Никитична, рожденная Панкратьева, дочь Анны Гавриловны, сестры моей матери, оба съ горя занемогли и долго были больны.

[2]) О томъ свидѣтельствуютъ письма, полученныя мной изъ-за границы.

[3]) Послѣ ихъ смерти картины были распроданы. Въ 1840-хъ годахъ я видѣла нѣкоторыя изъ нихъ въ Каширскомъ уѣздѣ, Тульской губерніи, въ деревнѣ, въ домѣ Николая Семеновича Мосолова, извѣстнаго знатока въ живописи, дѣда академика-гравера Мосолова. Между прочимъ былъ Купидонъ Ванъ-Дейка.

[4]) О селѣ Михайловскомъ и картинной галереѣ буду говорить ниже.

Кромѣ любви къ живописи, отецъ понималъ музыку, обладалъ голосомъ и отличнымъ слухомъ. Любилъ въ досужее время писать стихи, изъ которыхъ нѣкоторые были напечатаны въ періодическихъ изданіяхъ двадцатыхъ годовъ. Въ «Посланіи» къ дядѣ Ильѣ Гавриловичу Бибикову [1]), брату моей матери и лучшему другу моихъ родителей, исчисляя всѣ деревенскія удовольствія, онъ говоритъ:

«Иль будемъ критики писать?
Примѣромъ нхъ—романъ «Графъ Нулинъ».
Въ немъ про охоту говорятъ
Невыгодно; и тѣмъ онъ дуренъ.
Я но скажу, какъ тотъ чудакъ:
«Прости, жена! не жди къ обѣду!»
Охотникъ я, но не дуракъ:
И повторю женѣ: «Пріѣду!
Хотя и съ тощимъ животомъ.
Ты жъ сладкимъ угости столомъ».

По выходѣ въ свѣтъ этого «Посланія» отецъ сидѣлъ, по обыкновенію, вечеромъ въ англійскомъ клубѣ въ Москвѣ, игралъ въ вистъ. Подходитъ къ нему Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ.

— Иванъ Петровичъ! Неужели вамъ въ самомъ дѣлѣ не нравится мой «Графъ Нулинъ?»

— Полноте,—отвѣчалъ отецъ.—Я попутилъ: въ риѳму пришлось!

Много, бывало, разсказывалъ отецъ про свою военную службу: онъ былъ и за Кавказомъ, и въ турецкомъ походѣ при князѣ Кутузовѣ, и за время войны 1812 и 1813 года служилъ адъютантомъ при генералѣ Тормазовѣ. Когда въ 1813 году императоръ Александръ I посѣтилъ веймарскій дворъ, отецъ былъ въ свитѣ государя, въ Веймарѣ посѣтилъ Гёте и былъ пораженъ величественнымъ видомъ этого геніальнаго мужа. Отецъ говорилъ, какъ тогда, при этомъ германскомъ дворѣ, всѣ были любезны и внимательны къ русскимъ. Жалѣю, что я тогда же не записала разсказовъ отца, который много видѣлъ и былъ знакомъ со столькими замѣчательными личностями своего времени [2]). Но тогда, хотя я и слушала съ удовольствіемъ, все же молодость брала свое, увлекая меня своими стремленіями, надеждами... жизнь кипѣла ключемъ, настоящее было такъ ярко, что прошедшее передъ нимъ блѣднѣло... Потеряннаго не воротишь; то, что помню, теперь запишу.

Съ княземъ Михаиломъ Горчаковымъ, впослѣдствіи главнокомандующимъ во время крымской кампаніи, два года жилъ отецъ на Кавказѣ въ одной палаткѣ, искренно былъ съ нимъ друженъ; вмѣ-

[1]) Впослѣдствіи генералъ-губернаторъ г. Вильны.

[2]) Когда читаю въ «Русскомъ Архивѣ» статьи, относящіяся къ той эпохѣ, то встрѣчаю все имена людей, знакомыхъ мнѣ по разсказамъ отца и матери.

стѣ раздѣляли они опасности, деньги и лишенія. «Миша, Ваня» — такъ называли они другъ друга. Во время крымской кампаніи 1855 года мои оба брата были на войнѣ [1]). О младшемъ сынѣ, Ильѣ, отецъ долго не имѣлъ никакого извѣстія. Онъ написалъ князю Михаилу Горчакову, тогда главнокомандующему, и, вспоминая прежнюю дружбу, просилъ его розыскать сына его, Илью. Князь Горчаковъ отвѣтилъ ему тѣмъ письмомъ, что напечатано было въ журналѣ «Русская Старина».

Братъ Илья былъ розысканъ и вернулся невредимымъ по окончаніи войны.

Партизанъ Денисъ Васильевичъ Давыдовъ былъ, какъ я выше сказала, племянникомъ мачихи моего отца, съ которымъ вмѣстѣ росли. Въ походахъ Д. В. Давыдовъ надоѣдалъ товарищамъ разными своими выходками.

«Въ 1812 году,— говорилъ отецъ,—усталые, измученные, мы сдѣлали привалъ. Мой La Tour [2]), неоцѣненный человѣкъ въ походахъ, тутъ же смастерилъ намъ чаю, розлилъ въ стаканы, снабдилъ трубочками, табакомъ, и мы разсѣлись на разостланныхъ по землѣ коврахъ, готовясь угоститься и отдохнуть. Откуда ни возьмись Денисъ. Подлетѣлъ, наплевалъ во всѣ наши стаканы чая и всѣ выпилъ, потому что мы, конечно, отъ нихъ отказались».

Такъ какъ я упомянула о La Tour'ѣ, то скажу о немъ нѣсколько словъ. Онъ былъ крѣпостнымъ человѣкомъ моего дѣда, но былъ имъ отданъ въ пансіонъ, гдѣ и воспитывался, зналъ отлично французскій языкъ. Настоящаго имени его не помню, но былъ прозванъ «La Tour» по тогдашней модѣ все французить. «Латуръ» слѣдовалъ за моимъ отцомъ во всѣхъ его походахъ; ловкостью своей и находчивостью былъ ему вездѣ очень полезенъ. Но не забывалъ La Tour и своихъ выгодъ. Въ отцовскихъ вьюкахъ онъ тайкомъ помѣщалъ всегда свой чай, табакъ, ромъ, сахаръ, которые продавалъ офицерамъ иногда по червонцу за фунтъ табаку или за фляжку водки. Когда отецъ женился, La Tour былъ еще при немъ камердинеромъ, но вскорѣ послѣ того отецъ далъ ему вольную и отпустилъ его. Нѣсколько лѣтъ спустя, лакей приходитъ докладывать матушкѣ, что пріѣхалъ г-нъ Х. и настойчиво проситъ, чтобъ она къ нему вышла. Матушка выходитъ въ пріемную, видитъ передъ собой очень хорошо одѣтаго, приличнаго господина среднихъ лѣтъ, который ей кланяется.

— Извините,—говоритъ матушка,—я не имѣю удовольствія васъ знать.

---

[1]) Старшій братъ мой, Александръ Ивановичъ Бибиковъ, будучи ротнымъ командиромъ, тамъ и погибъ, оставивъ вдову и пятерыхъ малолѣтнихъ дѣтей.

[2]) Латуръ — русскій, крѣпостной камердинеръ моего отца, прозванный «La Tour», потому что онъ корчилъ француза и отпускалъ французскія фразы.

— Софья Гавриловна, неужели вы меня не узнаете?

— Извините, не узнаю.

Незнакомецъ улыбается и, немного конфузясь, наклоняется къ матушкѣ и шепчетъ: «La Tour».

Матушка вскрикнула отъ удивленія. Да! La Tour имѣлъ уже тогда свой каменный домъ въ Москвѣ, свой экипажъ, онъ былъ женатъ, и дѣти его воспитывались въ пансіонѣ.

Въ турецкую кампанію 1808 года князь Кутузовъ отправилъ отца моего курьеромъ въ С.-Петербургъ отвезти государю Александру I Павловичу первыя отбитыя у турокъ знамена и извѣстить о первой надъ врагами побѣдѣ. Отецъ на перекладной телѣгѣ мчался изъ Турціи въ Петербургъ.

«Подъѣзжаешь къ станціи»,— разсказывалъ отецъ, — «а другая телѣжка уже запряжена, лошадей взваживаютъ. Подымутъ тебя, раба Божья, на руки, да какъ чурку на другую телѣжку переложатъ. Тѣла своего ужъ не чувствуешь, ноги не дѣйствуютъ.

«На одной изъ станцій ямщики что-то долго прокопались. Народъ обступилъ мою телѣжку.

— «Что это, ваше благородіе, везете?

— «Турецкія знамена, братцы. Побѣда!

«Всѣ перекрестились.

— «Вишь ты!—заговорилъ народъ.—И знамена-то у нихъ заподлинно басурманскія! Глядь—всѣ лохматыя!»

Чтобъ предохранить знамена отъ дождя и грязи, отецъ прикрылъ ихъ своей буркой. Мужики бурку приняли за знамена.

Такимъ образомъ проскакалъ отецъ нѣсколько тысячъ верстъ. Въ С.-Петербургѣ его, запыленнаго, забрызганнаго грязью, провели прямо въ кабинетъ государя. Государь тотчасъ повелѣлъ попросить къ себѣ императрицу Елисавету Алексѣевну. Оба они милостиво обласкали курьера, привезшаго первую радостную вѣсть съ театра войны.

— Ступай теперь, Бибиковъ, отдохни, навѣрное усталъ, — улыбаясь сказалъ Александръ I.

По словамъ всѣхъ, видавшихъ этого государя, улыбка его была очаровательна. Онъ былъ обворожительно добръ и плѣнялъ ласкающимъ выраженіемъ своего взгляда.

Отца отвели тутъ же во дворцѣ въ особенную комнату, гдѣ ему подали завтракъ, послѣ котораго онъ, умывшись, повалился на тутъ же приготовленную постель, гдѣ проспалъ цѣлыя сутки богатырскимъ сномъ.

Нѣсколько лѣтъ спустя, въ 1818 году отецъ и мать видѣли царственную чету въ Москвѣ на придворномъ балѣ. Государь при-

гласилъ матушку на полонезъ, а государыня подошла къ моему отцу.

— Monsieur Bibicoff,—сказала она,—veuillez aider ma mémoire. Je me souviens très bien de vous, mais j'ai oublié le nom de la victoire dont vous nous avez apporté la nouvelle. Veuillez me la rappeler [1]).

Елисавета Алексѣевна такъ же, какъ и государь, обладала даромъ привлекать сердца привѣтливымъ умомъ и ласковымъ словомъ.

Не могу не прибавить здѣсь замѣчательную черту этой милой, умной и образованной женщины, которая на престолѣ провела жизнь уединенную, незамѣченную и грустную: никогда никѣмъ не была она оцѣнена по достоинству. Государь Александръ I горячо любилъ свою мать, вдовствующую императрицу Марію Ѳеодоровну: на балахъ, на выходахъ онъ всегда являлся рука объ руку съ матерью, а молодая супруга его шла позади ихъ [2]). Въ супружеской жизни она совершенно заслонена была красавицей Марьей Антоновной Нарышкиной, которая всесильна была при дворѣ.

Радости материнской любви и тѣ судьбой у нея были отняты. Дѣти ея умирали при прорѣзаніи первыхъ зубовъ. Придворный медикъ, ихъ лѣчившій, разсказывалъ моей матери объ отчаяніи императрицы Елисаветы Алексѣевны, когда явились у втораго ея ребенка тѣ же самые болѣзненные припадки, которые погубили перваго.

— Представьте себѣ мое положеніе, — говорилъ врачъ, — когда ночью, у изголовья умирающаго ребенка, мать его, императрица всероссійская, бросилась, рыдая, къ ногамъ моимъ, обнимала мои колѣна, умоляя меня спасти ея ребенка! А я видѣлъ, что вся наука моя безсильна. Всѣ дотолѣ извѣстныя средства я употребилъ, рылся въ книгахъ, рѣшался даже прорѣзать десна малютки, чтобъ ускорить появленіе зуба, и все—напрасно! Не говорю уже о той славѣ, которую стяжалъ бы, спасая царскаго ребенка, но, ради невыразимаго отчаянія этой, рыдающей у ногъ моихъ, женщины, я готовъ былъ на все. И ничего не помогло — погибли эти дѣти, которыя были бы ей единственнымъ утѣшеніемъ въ жизни.

Елисавета Алексѣевна, пріѣхавъ въ Москву, послѣ разгрома 1812 года, была принята съ восторгомъ и народомъ и обществомъ. Даны были три бала для царя. Желая примѣромъ своимъ обуздать ту роскошь, которая подъ вліяніемъ запада начинала вкрадываться въ русскіе нравы, императрица на всѣ три бала являлась въ одномъ и томъ же платьѣ [3]). Танцовала одни полонезы [4]).

---

[1]) Г-нъ Бибиковъ, будьте такъ добры, помогите моей памяти. Васъ я очень хорошо помню, но забыла ту побѣду, вѣсть о которой вы намъ привезли. Прошу васъ, напомните мнѣ о ней».

[2]) Слышала отъ очевидцевъ.

[3]) Разсказъ очевидцевъ.

[4]) Полонезъ состоитъ изъ прогулки тихимъ шагомъ подъ музыку, дама подъ руку съ кавалеромъ.

Не могу умолчать о той разницѣ въ обращеніи, которая во время оно поразила въ юной императрицѣ, супругѣ Николая I Павловича. Во время его коронаціи, красивая и граціозная молодая царица, на балахъ танцовала всѣ легкіе танцы, вальсируя безъ устали. Кавалерами государыня избирала себѣ не знатныхъ и заслуженныхъ придворныхъ сановниковъ, какъ бывало прежде, не образованныхъ, а ловкихъ, хорошо танцующихъ гвардейскихъ офицеровъ. Однимъ изъ привилегированныхъ былъ Мирбахъ.

Позволю себѣ сдѣлать здѣсь небольшое отступленіе, записавъ свое знакомство съ Мирбахомъ: оно вполнѣ характеризуетъ уровень образованія этого флигель-адъютанта.

Это было въ сороковыхъ годахъ, когда разрѣшили, наконецъ, хотя съ обрѣзками, но все же давать на московской сценѣ давно съ нетерпѣніемъ ожидаемое представленіе безсмертной комедіи Грибоѣдова «Горе отъ ума». До тѣхъ поръ это классическое произведеніе ходило по рукамъ въ рукописи и, конечно, всѣ знали его наизусть.

Какъ только объявлено было, что даютъ въ маломъ театрѣ «Горе отъ ума», мужъ мой немедля взялъ ложу. Наглядѣться не могли мы на незабвеннаго Михаила Семеновича Щепкина въ роли Фамусова, да и вся труппа тогда была безукоризненна.

Сидимъ мы, т. е. сестра моя, мужъ и я, въ ложѣ, еле дышимъ, чтобъ не пропустить словечка. Вдругъ входитъ къ намъ братъ мой старшій, Александръ, а за нимъ два незнакомыхъ намъ военныхъ: одинъ изъ нихъ генералъ, другой—флигель-адъютантъ.

— Сестра, — говоритъ мнѣ Александръ, — позволь мнѣ представить тебѣ генерала *** (имя позабыла) и флигель-адъютанта Мирбаха. Прошу тебя, позволь этимъ господамъ помѣститься въ твоей ложѣ. Они сейчасъ только пріѣхали изъ Петербурга и ни одного мѣста не нашли, даже въ райкѣ.

Театръ дѣствительно былъ переполненъ.

— Очень рады.

Усѣлись. Послѣ перваго дѣйствія Мирбахъ обращается ко мнѣ.

— Comme c'est joli! Кто это написалъ? [1]).

Я остолбенѣла.

Отступленіе завлекло меня слишкомъ далеко. Возвращаюсь къ отцу.

Со вступленіемъ на престолъ императора Николая Павловича, отецъ, по неотступной просьбѣ графа Александра Христофоровича Бенкендорфа, съ которымъ тогда былъ друженъ, бросилъ свою покойную, сельскую жизнь и вновь поступилъ на службу. Въ чемъ она заключалась, подробно сказать не могу. Отецъ жилъ въ Мо-

[1]) Какъ это мило.

сквѣ, носилъ военный полковничій мундиръ и безпрестанно ѣздилъ на ревизіи то въ Одессу, то въ Крымъ, то на Нижнегородскую ярмарку и проч. Когда Николай I дѣлалъ маневры войскамъ близъ г. Вязьмы, отецъ былъ временно туда откомандированъ [1]).

Осталось въ моей памяти то, что отецъ, въ разговорѣ съ матушкой, всегда хвалилъ молодого царя.

«Онъ любитъ Россію», говорилъ отецъ, «онъ желаетъ всей душою способствовать ея благоденствію; всѣми силами старается водворить въ ней порядокъ, искоренить злоупотребленія. Виноватъ ли онъ, если, желая всему положить прочный фундаментъ, требуетъ—гранита, а ему подаютъ—гнилой кирпичъ?»

Отъ отца же я слышала, что Николай I съ первыхъ шаговъ сталъ заботиться объ уменьшеніи тратъ на свою собственную личность, сталъ пересматривать дворцовый бюджетъ, входилъ во все, до самыхъ мелочей. Говорятъ, онъ вознегодовалъ, увидавъ, что ассигновано было сто рублей въ день на благовонное куреніе во дворцѣ. Тутъ же зачеркнулъ эту цифру и на мѣсто назначилъ — сто рублей на мѣсяцъ. На ежедневный, семейный обѣдъ государя выдавалось по полуторы тысячи рублей въ день (ассигнаціями). Николай I повелѣлъ выдавать только по двадцати пяти рублей на день, и т. д. въ этомъ же родѣ.

Императрицу государь любилъ искренно, и она ему платила тою же самоотверженною привязанностью. Онъ уважалъ ее и заставилъ ее занимать при дворѣ то высшее мѣсто, которое и слѣдовало ей занять. Все при дворѣ измѣнилось. Когда государь присутствовалъ при парадахъ или гдѣ либо по обязанности своего сана, то по окончаніи того, что считалъ какъ бы своей службой, онъ спѣшилъ всегда назадъ во дворецъ, говоря своимъ приближеннымъ:

— Моя баба меня ждетъ, спѣшу домой.

Слѣдуя примѣру царя, царедворцы стали щеголять своею вѣрностью семейнымъ узамъ точно такъ же, какъ бывало щеголяли совершенно противоположнымъ.

---

[1]) О путешествіи въ Нижній Новгородъ и о пребываніи въ Вязьмѣ говорю ниже въ главѣ: «Моя мать».

III.

Выходъ отца въ отставку.— Охота отца.— Походъ охоты отца на Кавказъ и въ Киргизскія степи.—Массонство.—Французъ Картри.—Массонскія перчатки.

Прослуживъ нѣсколько лѣтъ, отецъ, по разстроенному здоровью, вышелъ въ отставку и съ тѣхъ поръ, хотя вернулось ему здоровье, но онъ уже предпочелъ жить покойной помѣщичьей жизнью. Онъ страстно любилъ охоту во всѣхъ ея видахъ. Неутомимо ходилъ онъ съ ружьемъ по болотамъ, приносилъ иногда по сто паръ разной дичи, проходивъ за ней не болѣе одного дня. Въ Рязанской губерніи тогда мѣста были привольныя, болотъ еще не осушали: дупели, бекасы, кулики и прочая болотная птица вспархивали чуть не на каждомъ шагу. И псовая охота могла вестись на просторѣ; осенью отецъ предавался ей въ широкихъ размѣрахъ.

Сборъ на псовую охоту представлялъ живописное зрѣлище. Стая отборныхъ гончихъ, при нихъ два или три доѣзжачихъ, десять своръ борзыхъ собакъ различныхъ породъ; тутъ были и густопсовыя, и чисто псовыя, англійскія, брудастыя, куцыя, волкодавы огромнаго роста; при нихъ десять псарей и стременныхъ въ красныхъ куртках и шапкахъ, на сѣрыхъ, казацкихъ или степныхъ скакунахъ. Звукъ роговъ, лай собакъ, красивые кони, вообще оживленіе упоительно дѣйствовали на бывшаго воина, который, какъ полководецъ, управлялъ подвластнымъ ему войскомъ и велъ его на враговъ—степныхъ звѣрей. По четыре матерыхъ волка, по тринадцати лисицъ привозилъ отецъ, поохотившись одно только утро. Какъ устоять противъ такого соблазна?

Не могу здѣсь, говоря объ охотѣ, не забѣжать на много лѣтъ впередъ и не разсказать, единственнаго, вѣроятно, въ лѣтописи помѣщичьей охоты, похода моего отца съ своей рязанской стаей по равнинамъ киргизскихъ степей.

Въ 1845 году, отецъ поѣхалъ на Кавказъ въ Пятигорскъ съ княземъ Дмитріемъ Николаевичемъ Обсленскимъ, первымъ мужемъ моей сестры, которому предписано было лѣченіе водами. Когда курсъ лѣченія кончился, въ августѣ мѣсяцѣ, князь Д. Н. Оболенскій возвратился въ Москву; отецъ мой написалъ матушкѣ, чтобъ она выслала ему въ Пятигорскъ часть его псовой охоты, которую ей назначилъ.

Такъ и сдѣлали. Снарядили на Кавказъ двухъ своихъ дворовыхъ людей: кучера, онъ же и охотникъ, Илью Васильева, стременного Василія Пахомова [1]) и двухъ наемныхъ охотниковъ, доѣз-

[1]) Онъ въ 1883 году спокойно доживалъ свой вѣкъ въ имѣніи и усадьбѣ сына моего Дмитрія Раевскаго и на полномъ его содержаніи.

жачаго [1]) Ѳедора Матвѣева и стременного [2]) Михайла Андреева. Они поѣхали верхами на своихъ охотничьихъ лошадяхъ; съ ними шла отборная стая гончихъ и нѣсколько своръ борзыхъ [3]) собакъ. При нихъ шла тройкой фура съ овсомъ для лошадей, овсяной мукой для собакъ, крупой и прочей провизіей для людей: взяли съ собой и ружей, пороха и дроби. Кучеру Ильѣ Васильеву, какъ трезвому и честному, матушка вручила на дорогу четыреста рублей ассигнаціями. Шли они большими дорогами [4]), дѣлали привалъ въ чистомъ полѣ, вдали отъ деревень, около какого нибудь лѣсочка, путали и пускали на траву лошадей, а сами варили себѣ въ котелкѣ кашицу, куда для навара клали дичь, что стрѣляли въ степи, а собакамъ варили овсянку. Такъ дошли они изъ Данковскаго уѣзда, Рязанской губерніи, вплоть до Кавказа, куда прибыли въ концѣ сентября. Привели лошадей и собакъ въ отличномъ видѣ, а Илья Васильевъ вручилъ отцу моему сдачу съ полученныхъ имъ дорожныхъ денегъ. Такихъ людей теперь ужъ нѣтъ!

Изъ Пятигорска отецъ съ охотой своей пошелъ въ Киргизскія степи, гдѣ травилъ медвѣдей, кабановъ, стрѣлялъ дикихъ лебедей, фазановъ, которыми питался, ночуя на чистомъ воздухѣ или въ калмыцкихъ кибиткахъ. Тамъ охотники наши привыкли къ кирпичному чаю, который имъ очень нравился. Они его варили въ котелкѣ съ перцемъ, солью и молокомъ. Вернувшись домой уже въ концѣ декабря мѣсяца, они состряпали этотъ напитокъ и меня имъ потчевали, но я ни единаго глотка его не могла проглотить: такимъ онъ мнѣ показался отвратительнымъ.

Отецъ привезъ съ собой много битыхъ и живыхъ фазановъ. Битыми мы лакомились всю зиму, живые прожили у насъ нѣсколько мѣсяцевъ.

Много разсказовъ привезли путешественники наши изъ Киргизскихъ степей. Въ 1884 году, дѣти мои зазовутъ, бывало, къ себѣ семидесятилѣтняго Пахомыча, угостятъ его водкой; онъ оживетъ и съ жестами и возгласами начнетъ описывать имъ, какъ съ батюшкой Иваномъ Петровичемъ онъ на охоту ѣздилъ, какъ на Кавказѣ медвѣдя зарѣзалъ и проч. и проч.

---

[1]) Доѣзжачимъ зовутъ охотника, ѣздящаго подъ гончими, т. е. управляющаго стаей гончихъ собакъ.

[2]) Который при стремени у барина, ведетъ его свору собакъ борзыхъ.

[3]) Сворой называютъ 2-хъ собакъ, которыхъ придерживаютъ на длинномъ ремнѣ, и спускаютъ при встрѣчѣ со звѣремъ.

[4]) На большихъ степныхъ дорогахъ (конечно, не шоссейныхъ) растетъ трава въ изобиліи до сихъ поръ (1895 г.). Желѣзныхъ дорогъ на югѣ, конечно, тогда еще не было.

Отецъ мой, какъ большая часть образованныхъ людей своего времени, принадлежалъ къ массонству. Онъ былъ мейстеромъ, или мастеромъ, въ одной изъ московскихъ ложъ. Гроссмейстеромъ былъ тогда старикъ-негоціантъ Розенштраухъ, къ высокочестной и почтенной личности котораго всѣ питали глубочайшее уваженіе. Я его видала не разъ, когда съ отцемъ посѣщала его роскошный магазинъ золотыхъ и бронзовыхъ вещей, который въ 30-хъ годахъ считался лучшимъ во всей Москвѣ: онъ помѣщался на углу Кузнецкаго моста и Рожественки, напротивъ бывшихъ клиникъ, на правой рукѣ, идя вверхъ по Кузнецкому мосту.

У отца хранился какой-то массонскій орденъ или знакъ—бронзовый треугольникъ на зеленой, муаровой лентѣ, съ узенькой, кажется, бѣлой каймой; онъ надѣвался на шею. Потомъ опоясывали что-то въ родѣ фартука и держали въ рукахъ обнаженную шпагу. Отецъ писалъ рѣчи, которыя читалъ въ своей ложѣ: эти рѣчи были на французскомъ языкѣ; намъ онъ ихъ никогда не читалъ и не говорилъ о томъ, что въ ложѣ происходило.

Въ 1850 году, пріѣхалъ къ намъ со своими воспитанниками, дѣтьми Мясоѣдовыми, гостить въ село наше, Никитское, старикъ французъ, monsieur Cartry (г. Картри). Я тогда давно уже была замужемъ, семейство наше было большое, обѣденный столъ часто накрывался на 30 приборовъ въ большой залѣ, а ужъ не въ обыкновенной столовой. Обѣдали у насъ въ тотъ день отецъ и мать мои. Отецъ, какъ всегда, занималъ почетное мѣсто, у главы стола, матушка сидѣла возлѣ него по правую руку, а я—налѣво. Возлѣ меня не помню кто, а дальше г. Картри—французъ. Онъ налилъ себѣ стаканъ краснаго вина. Отецъ сдѣлалъ неуловимый жестъ рукой, выпилъ также вина и сказалъ г. Картри:

— Chargez votre canon de poudre rouge [1]).

— Frère [2])!—сказалъ Картри.

— Frère!—отвѣтилъ отецъ и засмѣялся.

Два брата-массона по условленному знаку узнали другъ друга. Но по какому знаку познали они другъ друга братьями, того не хотѣли намъ открыть: то была тайна ордена, и они клялись свято ее хранить.

Матушка мнѣ разсказывала, что отецъ принесъ ей однажды изъ ложи пару бѣлыхъ перчатокъ. Она этимъ подаркомъ была очень тронута и сохранила эти перчатки, какъ святыню. Одна же изъ ея подругъ, получивъ отъ мужа такія же перчатки, ужасно разсердилась, разорвала ихъ, растоптала ногами, расплакалась и осыпала мужа упреками, увѣряя, что онъ привезъ ей перчатки своей любовницы. Произошла тяжелая сцена. Мужъ не могъ, по данному

[1]) Зарядите вашу пушку краснымъ порохомъ.

[2]) Братъ!

въ массонствѣ обѣту, растолковать женѣ, наскольно она ошибалась; онъ огорчился, оскорбился, и съ этихъ поръ пошли размолвки въ супружествѣ.

Теперь извѣстно, что массонъ приносилъ эти бѣлыя перчатки въ даръ той женщинѣ, которую болѣе всѣхъ прочихъ уважалъ.

IV.

Родные моей матери. — А. И. Бибиковъ. — Посѣщеніе его императрицей Екатериной II. — Село Барцовка. — Семейная легенда. — Кончина А. И. Бибикова. — Милости императрицы. — Стихи въ его память. — А. И. Рибопьеръ. — Княгиня Н. И. Голицына. — Г. И. Бибиковъ. — Бабушка Е. А. Бибикова. — Дядя и тетки. — Воспитаніе матери. — Театръ въ Гребневѣ. — Образъ жизни того времени. — Графъ А. Г. Орловъ. — Его обращеніе съ дочерью. — Маниаска. — Огаревъ. — Скрипачъ Потапъ. — М. М. Муромцевъ.

Семья Бибиковыхъ, къ которой принадлежала моя мать, не походила во многомъ на семью моего отца, хотя родоначальникъ у нихъ былъ общій. Были въ этой семьѣ знаменитые полководцы и не менѣе извѣстные гражданскіе дѣятели [1]), люди, отличающіеся умомъ и образованіемъ, но чувство изящнаго, любовь къ искусству, способности къ художеству были имъ чужды: исключеніе было рѣдко. Ни одного живописца, ни музыканта, даже почти ни одного любителя этихъ искусствъ между ними не было. За то вся семья была одарена природою замѣчательно красивой наружностью. «Les beaux yeux noirs des Bibicoffs» [2]) вошли въ пословицу во время оно. Не разъ слышала я это отъ стариковъ, знавшихъ мою матушку, тётушекъ и дядей.

Имя старшаго брата моего дѣда, Гавріила Ильича Бибикова, Александра Ильича, принадлежитъ исторіи, какъ одного изъ орловъ царствованія императрицы Екатерины II.

Воинскія дарованія его въ войнѣ съ Пруссіей пріобрѣли ему уваженіе и внѣ отечества. Фридрихъ Великій, король прусскій, писалъ ему, что желаетъ съ нимъ познакомиться и приглашаетъ въ свой лагерь при Маріенвердерѣ; но Александръ Ильичъ отклонился отъ сего предложенія тѣмъ, что занятія его не позволяли ему отлучиться. Въ отвѣтъ король къ нему писалъ отъ 14-го іюня 1772 г. съ большей благосклонностью [3]), «что генералъ, жертвующій удовольствіями долгу службы, пріобрѣтаетъ полное его уваженіе».

Александръ Ильичъ былъ въ дружеской перепискѣ со знатнѣй-

---

[1]) О нихъ буду говорить ниже.

[2]) «Прекрасные черные глаза Бибиковыхъ».

[3]) «Записки о жизни и службѣ Александра Ильича Бибикова». Изданіе 1817 г., стр. 187. «Письмо Фридриха».

шими людьми своего времени [1]), какъ-то: съ графомъ Никитой Ивановичемъ Панинымъ, съ Суворовымъ, съ графомъ П. А. Румянцовымъ; отъ наслѣдника Павла Петровича получилъ два дружескихъ письма, гдѣ онъ называетъ его «любезный другъ» и подписывается: «навсегда вашъ вѣрный другъ Павелъ» [2]).

А отъ Екатерины Великой удостоился имѣть много собственноручныхъ писемъ, не считая милостивыхъ ея рескриптовъ [3]).

17 мая 1767 года, Александръ Ильичъ удостоился посѣщенія самой императрицы Екатерины II, которая въ сопровожденіи блестящей свиты, возвращаясь изъ Казани по Волгѣ на галерахъ, пріѣхала въ село Барцовку, Костромской губерніи, Кинешемскаго уѣзда, принадлежащее князьямъ Козловскимъ, на дочери которыхъ женатъ былъ Александръ Ильичъ Бибиковъ. Это богатое село лежитъ на высокомъ берегу Волги. Усадьба была великолѣпная: окружали ее цвѣтники и сады фруктовые; домъ былъ большой, каменный, съ него открывался чудный видъ на широкую Волгу, на дремучіе лѣса и необъятныя поля, простирающіяся до дальняго горизонта. Церковь была деревянная, оштукатуренная.

Государыня изволила остановиться противъ церкви села Барцовки, у пристани, покрытой краснымъ сукномъ, которое лежало по всей горѣ до самой церкви. Мѣстные крестьяне, съ своими помѣщиками князьями Козловскими и Бибиковыми, вышли встрѣтить ея величество на берегъ, а духовенство ожидало въ церкви села Барцовки. Государыня, поднявшись въ гору, вошла въ деревянную церковь, гдѣ было отслужено молебствіе, за которымъ Александръ Ильичъ Бибиковъ читалъ Апостола.

Послѣ службы, ея величество любовалась Волгой, сидя подъ деревомъ близъ церкви. Къ сожалѣнію, это дерево было впослѣдствіи срублено. Въ этой церкви князья Козловскіе прибили къ правому клиросу мѣдную доску съ вырѣзанной на ней слѣдующей надписью:

«17-го мая 1767 года здѣсь стояла императрица Екатерина II; а генералъ Александръ Ильичъ Бибиковъ во время молебствія читалъ Апостола».

Эти подробности я слыхала не разъ отъ матери моей, Софьи Гавриловны Бибиковой, родной племянницы Александра Ильича, а подтвердилъ мнѣ ихъ зять мой, баронъ Владиміръ Михайловичъ Менгденъ [4]), который въ молодости (въ 30-хъ годахъ нашего столѣтія) часто бывалъ въ селѣ Барцовкѣ и читалъ въ церкви эту надпись.

---

[1]) Тѣ же «Записки», гдѣ помѣщены ихъ письма.

[2]) См. «Записки о жизни и службѣ Александра Ильича Бибикова», изданіе 1817 года, стр. 189. Приложенія, гдѣ напечатаны эти 2 письма.

[3]) Тѣ же «Записки», стр. 147 и многія другія; всѣ письма напечатаны.

[4]) Въ 1897 году дѣйствительный тайный совѣтникъ и членъ государственнаго совѣта.

Бабушка моего зятя, барона Менгдена, была княжна Козловская, сестра жены Александра Ильича Бибикова. Село Барцовка лежитъ въ 20-ти верстахъ отъ имѣнія отца моего зятя, покойнаго генералъ-майора Михаила Александровича фонъ-Менгдена. Всѣ Менгдены часто посѣщали князей Козловскихъ, съ которыми были близко знакомы и по родству дружны.

Въ 1840 году, старая деревянная церковь развалилась: разобранный изъ нея лѣсъ пошелъ на обжиганіе кирпича, изъ котораго сложили каменный храмъ на другомъ концѣ села, а на мѣстѣ ея поставили часовню, которая сохранилась до сего времени.

Къ сожалѣнію, у насъ въ Россіи не дорожатъ историческими памятниками старины. Мѣдная доска съ надписью пропала съ тѣхъ поръ, какъ село Барцовка перешло изъ владѣнія прежнихъ коренныхъ помѣщиковъ князей Козловскихъ въ разныя руки. Осталась только въ народѣ между старожилами легенда, перешедшая отъ прадѣдовъ къ правнукамъ. Изъ нея выписываю слѣдующія подробности [1]).

«Во время отдыха государыни подъ деревомъ представлены были ея величеству два мальчика, шестилѣтній князь Козловскій и трехлѣтній Саша Бибиковъ [2]), котораго крестьяне очень любили. Государыня обратилась къ нимъ со слѣдующими милостивыми словами:

— «Что? ждали моего пріѣзда?

«Маленькій Бибиковъ бойко отвѣтилъ:

— «Да, матушка царица! ждали, какъ краснаго солнышка!

«Князь же Козловскій такъ переконфузился, что ничего не могъ сказать и только ревѣлъ на всю улицу.

«Государыня тутъ же взяла Сашу Бибикова на руки, посадила къ себѣ на колѣни и пожаловала его въ подпрапорщики лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка.

«Потомъ благоволила откушать у князей Козловскихъ [3]).

«По поводу пріѣзда Екатерины II была въ народѣ сложена пѣсня, въ которой, между прочимъ, упоминалось о маленькихъ мальчикахъ «Бибиковѣ и Козловскомъ»; въ ней перваго восхваляли, а послѣдняго осмѣивали. Пѣсня эта въ настоящее время забыта».

Александръ Ильичъ родился 30-го мая 1723 года, скончался 9-го апрѣля 1774 года, на сорокъ пятому году отъ рожденія въ бѣдной татарской деревнѣ Бугульмѣ (нынѣ уѣздный городъ Самарской губерніи). Свели его въ могилу непосильные труды, истощившіе душевныя и тѣлесныя его силы, и пренебреженіе здоровьемъ по ревности къ исполненію великаго своего служенія при избавленіи оте-

[1]) Этими подробностями и слѣдующей легендой обязана я любезности государственнаго секретаря, г. Плеве, который, будучи въ Костромской губерніи, приказалъ въ Барцовкѣ собрать всѣ эти свѣдѣнія и доставить ихъ мнѣ въ 1896 году.

[2]) Второй сынъ Александра Ильича Бибикова, впослѣдствіи сенаторъ.

[3]) Эти подробности частью изложены и въ «Запискахъ о жизни и службѣ А. И. Б.», стр. 76.

чества отъ угрожающей ему опасности. Онъ, будучи генералъ-аншефомъ, предводительствовалъ тогда войскомъ противъ Пугачева, которому онъ первый далъ отпоръ, когда злодѣй самозванецъ уже укрѣпился и завладѣлъ многими городами, въ томъ числѣ Оренбургомъ и Самарой, которые Бибикову удалось освободить [1]).

На службѣ, по безкорыстію, честности и великодушію въ отношеніи къ нуждающимся, Александръ Ильичъ не только ничего не пріобрѣлъ, но, при всей своей скромной жизни, истратилъ и свое достояніе и часть женинаго имѣнія. Послѣднія же предъ кончиною слова его достойны были добродѣтельнаго теченія его жизни. Когда предстоящіе при смертномъ одрѣ напоминали ему о женѣ и о дѣтяхъ, коихъ онъ оставлялъ въ недостаткѣ, онъ отвѣчалъ:

— «Милосердая государыня, конечно, ихъ призритъ; но болѣе жалѣю и стражду, оставляя въ бѣдствіи отечество».

Императрица, получивъ извѣстіе о кончинѣ Александра Ильича, удостоила его слезъ своихъ и щедрою рукою изліяла благодѣянія на оставшуюся неутѣшную семью. Пожаловала супругѣ и дѣтямъ 2.500 душъ въ Бѣлоруссіи, старшаго сына Павла произвела въ полковники и въ свои флигель-адъютанты, второго, десятилѣтняго, въ офицеры гвардіи, а дочь въ фрейлины. Императрица, недовольствуясь сими милостями, повелѣла спросить у вдовы покойнаго, чего бы она особенно для себя желала, но достойная супруга Александра Ильича просила только воззрѣть на состояніе одного родственника ея мужа, съ отличіемъ служившаго подъ его начальствомъ. Екатерина пожаловала ему 500 душъ [2]).

Александра Ильича воспѣвали современные поэты и при жизни его и послѣ его кончины, какъ-то:

«Съ простымъ ты былъ простой,
Мудрецъ былъ съ мудрецами,
Съ героями герой,
Любезный другъ съ друзьями».

Другъ его Н. В. Леонтьевъ, по кончинѣ его, написалъ слѣдующее стихотвореніе:

«Онъ былъ искусный вождь въ бранях,
Совѣта мужъ, любитель музъ,
Отечества подпора тверда,
Блюститель вѣры, правдѣ другъ;
Екатериной чтимъ за службу,
За здравый умъ, за добродѣтель,
За искренность души его.
Онъ умеръ, тронъ обороняя:
Стой, путникъ! стой благоговѣйно:
Здѣсь Бибикова прахъ сокрытъ».

---

[1]) Тѣ же «Записки», стр. 310 и 317.

[2]) «Записки о жизни и службѣ Александра Ильича Бибикова», изданіе 1817 г., стр. 321.

Дочь Александра Ильича была замужемъ за Рибопьеромъ. Извѣстенъ анекдотъ о сынѣ ея: мальчику было пять лѣтъ, когда императрица Екатерина II, услыша о красотѣ и умѣ внука Александра Ильича, пожелала его видѣть.

Его привели къ ней, и она имъ очень любовалась, даже на прощанье подарила ему свой портретъ.

Уѣзжая въ четырехмѣстной каретѣ, мальчикъ поставилъ портретъ государыни на почетное мѣсто, а самъ сѣлъ на переднюю скамейку.

Впослѣдствіи онъ избралъ дипломатическую карьеру и былъ нашимъ посломъ при прусскомъ дворѣ.

Будучи ребенкомъ, я видала у насъ Рибопьера, графа Александра Ивановича Остермана-Толстого и всѣхъ родныхъ, внуковъ и внучекъ князя Михаила Иларіоновича Кутузова. Родители мои со всѣми ими были въ дружескихъ отношеніяхъ.

Рибопьеръ былъ средняго роста и очень хорошъ собой; волоса его тогда были совсѣмъ бѣлые, но лице свѣжее, брови черныя такъ же, какъ и большіе блестящіе глаза, Бибиковскіе.

Графъ А. И. Остерманъ-Толстой былъ очень высокаго и стройнаго роста, волоса его были черные, а большіе черные глаза смотрѣли сурово изъ-подъ нахмуренныхъ бровей. Онъ рѣдко пріѣзжалъ въ Россію и подъ старость больше жилъ за границей, гдѣ и скончался.

Съ сестрой его, княгиней Натальей Ивановной Голицыной, мы видались очень часто; она была нашей сосѣдкой въ деревнѣ, а въ Москвѣ держала открытый домъ, очень пріятный, который я часто посѣщала.

Сама княгиня Наталья Ивановна по вечерамъ играла въ кабинетѣ своемъ въ карты со своими сверстницами, а нами, молодежью, распоряжалась ея племянница и воспитанница, княжна Дарья Андреевна Ухтомская. Тутъ собиралось все избранное московское общество; иногда танцовали, а болѣе занимались музыкой. Туда приглашались первоклассные артисты, какъ, напримѣръ, пьянистъ Тальбергъ. Тутъ Ѳеофилъ Толстой пѣвалъ одинъ или дуэтомъ съ двоюродной сестрой, Д. А. Ухтомской, свои прелестные романсы. Пѣвали и родственница ихъ Чернышева и красавица г-жа Киреева, рожденная Алябьева. Словомъ вечера эти были самые пріятные въ Москвѣ; домъ княгини Н. И. Голицыной былъ открытъ ежедневно: она принимала радушно, и это удвоивало удовольствіе ея посѣтителей.

Послѣ кончины княгини Голицыной, княжна Д. А. Ухтомская вышла замужъ за ея сына Валеріана, и они поселились въ нашемъ сосѣдствѣ, въ селѣ Архангельскомъ, Тульской губерніи, Епифанскаго уѣзда, и наши семьи подружились.

Дѣдъ мой, отецъ моей матери, меньшой братъ Александра Ильича, Гавріилъ Ильичъ Бибиковъ, генералъ временъ Екатерины II, былъ писанный красавецъ-брюнетъ. Жена его, моя бабушка Екатерина Александровна, рожденная Чебышева, была извѣстная въ Москвѣ красавица, черноволосая, высокаго роста; она и въ старости поражала величественнымъ видомъ и остатками прежней красоты.

Дѣдушки я не знавала: онъ скончался въ 1802 году, задолго до моего рожденія, но бабушка—какъ теперь передо мной съ накинутой на плечахъ бѣлой, турецкой шалью: такъ сидѣла она въ своемъ кабинетѣ, стѣны котораго были изъ бѣлаго мрамора. Къ нему вела безконечная анфилада залъ и гостиныхъ. Бальная же зала была въ сторонѣ по лѣвую руку отъ парадной лѣстницы: она была громадная, въ два свѣта и, когда я знавала бабушку, эта зала была всегда заперта. Намъ, дѣтямъ, по нашей просьбѣ, ее одинъ разъ отперли и показали; она также была бѣлая, мраморная.

Домъ бабушкинъ каменный, съ нижнимъ этажемъ подъ сводами, съ мезониномъ и антресолями, былъ въ Москвѣ на Пречистенкѣ: окна фасада и балконъ съ колоннами были обращены на улицу; передъ домомъ простирался большой мощеный дворъ, отгороженный отъ улицы высокой, желѣзной рѣшеткой; въ серединѣ ея—такія же ворота. По обѣимъ сторонамъ двора—два двухъэтажные каменные флигеля. Съ противоположной стороны опять огромный дворъ и цѣлый кварталъ службъ, флигелей, конюшенъ, сараевъ и проч. выходящихъ во весь переулокъ, кажется, Штатный, а задами на Остоженку. Кромѣ того, по ту сторону переулка принадлежалъ ей двухъэтажный домъ, гдѣ мы съ матерью и отцемъ прожили одну зиму и весну: тамъ родился мой братъ, Илья, котораго крестила бабушка, а мнѣ съ братомъ Александромъ позволили тутъ же быть воспріемниками. Мнѣ было шесть лѣтъ, Александру пять: идя за бабушкой съ зажженными свѣчами, мы подожгли ея турецкую шаль.

Послѣ смерти бабушки, дяди мои, служившіе всѣ въ Петербургѣ, дома эти продали. Одно время ими владѣла баронесса Розенъ [1]).

Говорятъ, бабушка очень любила и уважала моего отца, и что по этому случаю я была ея любимицей. До сихъ поръ у меня хранится письмецо, ею мнѣ написанное, а писать письма она была не охотница. Но ласки отъ бабушки мы, внуки и внучки, никогда не видали. Признаться, мы бабушки не любили, но уважали и боялись ея. Кажется, то же чувство внушала она и дѣтямъ своимъ. У нея ихъ было двѣнадцать взрослыхъ: пять сыновей и семь дочерей, всѣ семейныя, кромѣ меньшаго сына Александра. Тѣ же изъ нихъ, которые помнили отца, особенно матушка, Софья Гавриловна, гово-

[1]) Она купила эти дома за 40.000 ассигнаціями, а дочь ея Аладьина перепродала ихъ за 110.000 р. сер. кн. Голицыной; теперь этотъ домъ отданъ въ наймы подъ гимназію.

рили о немъ съ большой любовью. Всѣхъ же дѣтей у бабушки было семнадцать.

Бабушка изъ всѣхъ дѣтей своихъ болѣе любила старшаго сына Павла и старшую дочь Екатерину [1]), но болѣе всего на свѣтѣ любила бабушка мужа своего, которому сохранила вѣрность незапятненную, хотя и осталась, послѣ его смерти, молодой красивой вдовой. Въ началѣ девятнадцатаго столѣтія это было рѣдкимъ явленіемъ.

Матушка мнѣ разсказала, что однажды отецъ ея опасно занемогъ. Бабушка собрала всѣхъ двѣнадцать дѣтей своихъ, велѣла имъ стать на колѣни, сама пала съ ними ницъ передъ образами и со слезами громко молила Бога, чтобъ Онъ взялъ у нея всѣхъ дѣтей до единаго, а сохранилъ ей мужа. Дѣдушка выздоровѣлъ.

Бабушка однажды показала намъ въ кіотѣ своемъ образъ Божіей Матери, весь вышитый жемчугомъ, и разсказала, что прапрабабушка ея, будучи еще дѣвушкой, была въ числѣ тѣхъ благородныхъ дѣвицъ, которыхъ повезли во дворецъ при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, чтобъ изъ нихъ онъ избралъ себѣ невѣсту. Прапрабабушка была тогда обрученной невѣстой и горячо любила своего жениха. Ослушаться царскаго указа было немыслимо. Прапрабабушку повезли на смотръ, но она дала обѣдъ, что, если царь не выберетъ ея, то она, изъ собственнаго рукодѣлья, вымѣнитъ образъ Божіей Матери и украситъ ризу его жемчугомъ. Извѣстно, что царь Михаилъ Ѳеодоровичъ избралъ въ супруги бѣдную, дворянскаго рода дѣвицу незнатной фамиліи. Прапрабабушка вышла за любимаго ею жениха и въ точности исполнила свой обѣтъ. Вымѣненный ею образъ по наслѣдству достался моей бабушкѣ.

По воскресеньямъ, всѣ дѣти, бывшія въ Москвѣ, внуки и внучки собирались къ бабушкѣ въ Пречистенскій домъ. Подходили мы къ ручкѣ бабушки, а потомъ спѣшили въ огромныя залы побѣгать и поиграть подальше отъ нея. Не только боялись мы бабушки, но трепетали даже передъ ея старой горничной и экономкой, Аксиньей Яковлевной, которая, въ высокомъ бѣломъ чепцѣ, съ очками на носу, была не менѣе важна и горда самой бабушки.

И матушка, и тётушки, и дяди были чернобровые красавцы и красавицы. Особенная отличительная черта ихъ была — большіе, чудные, черные глаза. Говорятъ, что въ Москвѣ, на счетъ бабушкиныхъ дѣтей, сложена была пѣсня, начинающаяся

«Кто хочетъ съ ума сойти,
Тотъ по Пречистенкѣ пройди» и т. д.

---

[1]) Екатерина Гавриловна 16-ти лѣтъ вышла замужъ за А. Арсеньева, который былъ старше ея на 20 лѣтъ. Она была красавица во всемъ смыслѣ слова. Съ мужемъ была очень несчастлива и скончалась лѣтъ 30-ти не болѣе.

Старики, какъ князь Петръ Петровичъ Оболенскій, Михаилъ Ѳедоровичъ Орловъ и другіе, въ тридцатыхъ годахъ съ восторгомъ мнѣ говорили о красотѣ моей матери и ея сестеръ. Одна только, меньшая изъ всѣхъ сестеръ, Александра Гавриловна, по мужу Рóславлева, была мала ростомъ и, несмотря на большіе черные глаза, некрасива собой; но эту тётку мы обожали, до того она была добра, весела, остроумна и ласкова къ намъ, дѣтямъ. Сестра ея старшая, Анна Гавриловна Панкратьева, молодая скончалась, оставивъ четырехъ сиротъ. Александра Гавриловна, ходившая за сестрой во время ея болѣзни и присутствовавшая при ея смерти, взяла на свое попеченіе всѣхъ четырехъ ея дѣтей, двухъ мальчиковъ и двухъ дѣвочекъ, пеклась о нихъ, какъ о родныхъ дѣтяхъ, обожала ихъ до страсти, а они любили ее, какъ родную мать.

Тётушка Александра Гавриловна была замужемъ за вдовцемъ, у котораго были двѣ дочери: Марья [1]) 17 лѣтъ и Софья 13 лѣтъ [2]). Своихъ дѣтей у тётушки не было. Съ падчерицами ей было много хлопотъ, особенно съ Марьей, которая была очень своевольна.

Говоря о тётушкѣ Александрѣ Гавриловнѣ, не могу умолчать о большой странности, хорошо извѣстной всей ея семьѣ. Какъ ни смѣшно въ нашъ вѣкъ объ этомъ говорить, но она замѣчательно вѣрно гадала по картамъ. Раскладывала она ихъ по методѣ Le Normand [3]), знаменитой гадальщицы, которой вѣрилъ такъ слѣпо Наполеонъ I. Всѣ карты раскладывались какъ-то полукругомъ на столѣ, потомъ что-то по нимъ считалось. Гадая такимъ образомъ, тётушка вѣрно предсказала всѣ событія, совершившіяся въ семьѣ, въ томъ числѣ смерть сестры Анны Гавриловны Панкратьевой, замужество племянницъ, свое замужество и смерть; также замужество старшей племянницы Екатерины Никитичны Панкратьевой, ею воспитанной и вышедшей замужъ уже послѣ смерти тётки, но согласно ея предсказаніямъ, за свѣтлѣйшаго князя Александра Карловича Ливена.

Дѣдушка Гавріилъ Ильичъ Бибиковъ владѣлъ пятью тысячами душъ крестьянъ въ разныхъ губерніяхъ. Числа десятинъ обладаемой имъ земли онъ, вѣроятно, самъ не зналъ: въ то время считалось только число душъ человѣческихъ, т. е. мужскихъ, въ женщинахъ души не признавали, да и до сихъ поръ не признаютъ.

По зимамъ живалъ дѣдушка въ Москвѣ, въ Пречистенскомъ домѣ, куда ежедневно и при немъ и послѣ его смерти къ бабушкѣ пріѣзжали всѣ дѣти, племянники и племянницы родные, двоюродные и прочіе. Если-бъ день прошелъ и кто либо изъ нихъ не явился, тотчасъ получилъ бы выговоръ. Да и въ голову никому бы не пришло уклониться отъ долга, развѣ только по болѣзни.

---

[1]) Марья вышла замужъ за извѣстнаго поэта Огарева, друга А. И. Герцена; ей было тогда далеко за 20 лѣтъ.

[2]) Софья очень молодая вышла за Каракозова. Одно время сестра жила у нея.

[3]) Ле Норманъ.

Дѣти бабушкины, едва родившіяся, уносились немедленно въ мезонинъ, гдѣ кормили ихъ привезенныя изъ деревень крѣпостныя бабы-кормилицы, а воспитывали няньки, также изъ крѣпостныхъ. Были и гувернантки-иностранки. Закону Божію обучалъ приходскій священникъ. Пока дѣдушка былъ живъ, онъ слѣдилъ за уроками, даже нѣкоторые уроки старшимъ двумъ дочерямъ давались при немъ, въ его кабинетѣ. Но послѣ него врядъ ли кто о нихъ заботился. Изъ всѣхъ дочерей одна матушка опередила свой вѣкъ. Она мнѣ говорила, что умный и образованный отецъ ея, котораго она лишилась на четырнадцатомъ году отъ рожденія, до тѣхъ поръ постоянно держалъ ее при себѣ, и что его вліянію она обязана любовью своей къ наукѣ [1]).

Съ молодыхъ лѣтъ матушка усердно училась сама, а впослѣдствіи обучала меньшихъ сестеръ и брата Илью: они всѣ ее любили и уважали болѣе какъ мать, нежели какъ сестру. Этому и я была свидѣтельницей. Будучи молодой дѣвушкой, матушка читала всѣ тогдашнія историческія и философскія книги, за что и выносила немало насмѣшекъ отъ родныхъ. Конечно, это было уже послѣ смерти любившаго ее образованнаго отца.

Матушка была религіозна, но понимала христіанскую вѣру во всей чистотѣ: суевѣрій у нея не было вовсе. Эта черта ея характера въ семьѣ не нравилась. Вѣдь то, о чемъ я пишу, относится къ концу восемнадцатаго и къ началу девятнадцатаго вѣка.

Когда матушка по воскресеньямъ и праздникамъ ходила къ обѣднѣ, то старыя и молодыя родственницы тутъ же пересмѣивались между собой:

— Вотъ нашъ Волтеръ идетъ.

Кличка «Волтеръ» была у нихъ браннымъ словомъ. Но матушку не смущали эти насмѣшки и пересуды: она продолжала твердо итти своимъ путемъ.

У дѣдушки и у бабушки строго соблюдались посты. Не только по установленнымъ большимъ постамъ, но и по средамъ и пятницамъ скоромнаго не подавали. Матушкѣ ставили въ непростительный грѣхъ то, что желудокъ ея не выносилъ постнаго масла. За постнымъ столомъ она ѣла только гречневую кашу съ квасомъ. Но въ продолженіе семи мѣсяцевъ въ году не принимать теплой пищи было слишкомъ трудно молодому организму. Иногда, бывало, она въ своей комнатѣ и оскоромится. Боже, какой грѣхъ!

При жизни дѣдушки и послѣ него вся семья проводила лѣто въ подмосковномъ селѣ своемъ Гребневѣ. Домъ тамъ былъ огромный, каменный, окруженный большими садами, средя которыхъ выкопаны

---

[1]) У нея къ тому же была воспитательница, очень образованная француженка-эмигрантка изъ высшаго круга, съ которой она усердно занималась. Къ сожалѣнію, имени ея не помню.

были огромные пруды съ нѣсколькими на нихъ островами, а на островахъ также разбиты сады и выстроены бесѣдки. Но дѣти этими прелестями не пользовались. Когда пріѣзжали гости изъ сосѣдства или изъ Москвы, тогда запрягали линейки, ѣздили всѣмъ обществомъ по широкимъ дорожкамъ сада, на паромѣ переправлялись на острова и въ бесѣдкѣ чай пили. Кромѣ этихъ сравнительно рѣдкихъ случаевъ, никогда не позволяли дѣтямъ, особенно дочерямъ, выходить въ садъ. Объ окрестностяхъ же Гребнева матушка не имѣла никакого понятія. Грустное дѣтство! грустное лѣто проводили тамъ дѣти и молодыя дѣвушки, точно за монастырской стѣной!

У дѣдушки въ селѣ Гребневѣ выстроенъ былъ въ саду театръ со сценой, кулисами и всякими приспособленными къ нимъ декораціями. Тутъ игралъ оркестръ изъ крѣпостныхъ музыкантовъ [1]); давались балеты, гдѣ фигурировали крѣпостныя же танцовщицы, для обученія которыхъ выписывались учители музыки и балетмейстеръ. При нравахъ восемнадцатаго столѣтія эти забавы казались вполнѣ естественными.

Матушка помнила, какъ бабушка, въ угоду мужу, беременная на сносѣ, становилась на колѣни на полу и прикалывала цвѣты къ юбкамъ доморощенныхъ танцовщицъ.

Тотъ же танцмейстеръ, обучающій крѣпостныхъ артистовъ, давалъ уроки и барскимъ дѣтямъ.

«Мы»,—говорила матушка,—«учились танцовать съ четырехлѣтняго возроста и обучались танцамъ систематически, какъ наукѣ. Я, пяти лѣтъ, исполняла соло въ балетѣ, на домашней сценѣ.

«Когда, позднѣе, я взрослой дѣвицей выѣзжала въ свѣтъ, то набирались пары четыре, не болѣе, умѣющія танцовать французскую contredanse со всѣми балетными nà. Тогда все бальное общество окружало насъ; старики бросали карты, многіе становились на стулья, чтобъ лучше видѣть: всѣ смотрѣли на эту кадриль, какъ на сценическое представленіе. Подъ конецъ танца раздавались дружные апплодисменты танцующимъ. Часто на балахъ танцовали то, что лучше кто умѣлъ: менуэтъ, гавотъ, pas de châle и прочіе характерные танцы, а остальное общество въ видѣ зрителей окружало дѣйствующихъ лицъ».

Графъ Алексѣй Орловъ, будучи въ немилости у двора, проживалъ въ Москвѣ отъ 1802 до 1809 года. Онъ давалъ для единственной дочери своей, Анны, балы, куда съѣзжалось все великосвѣтское московское общество: бывала, конечно, у него бабушка съ дочерьми. У самого же единственнымъ удовольствіемъ было мчаться по московскимъ улицамъ на бѣшеныхъ своихъ рысакахъ, которыми всегда самъ правилъ. Завидя его издали, всѣ сворачивали съ дороги.

---

[1]) Изъ нихъ нѣкоторые отпущены были на волю и впослѣдствіи сдѣлались извѣстными артистами.

— «У Орлова»,—разсказывала матушка,— «поразили меня окна дома: въ нихъ зимой стекло вставлено было маленькое, только посреди рамы, а кругомъ все окно было обито войлокомъ. Бальная зала и гостиныя освѣщены были сальными свѣчами. Въ то время лампъ еще не было, но балы вездѣ освѣщались восковыми свѣчами. Гостей у Орлова была толпа, угощеніе роскошное, а свѣчи—сальныя!

«Однажды на балу у Орлова попросили одну изъ московскихъ красавицъ, жену его незаконнаго сына, протанцовать «pas de châle» [1]). Она согласилась и, ставъ посреди залы, будто невзначай, выронила гребень, удерживавшій ея волосы. Роскошные, какъ смоль, черные волосы разсыпались по плечамъ и скрыли станъ ея почти до колѣнъ. Всѣ присутствующіе вскрикнули отъ восторга и умоляли ее исполнить танецъ съ распущенными волосами. Она только того и хотѣла; исполнила танецъ при общихъ рукоплесканіяхъ.

— «Анна!— закричалъ Орловъ дочери,— распусти волосà и протанцуй па-де-шаль!

«Ослушаться отца-Орлова было немыслимо. Несчастная ушла съ нами въ свою комнату и, обливаясь горючими слезами, стала снимать фальшивую косу и расплетать жиденькія свои косички. Графиня Анна была некрасива и вовсе неграціозна, и она вполнѣ это сознавала. Волоса ея, распущенные, казались еще жиже, еще мизернѣе. Съ красными отъ слезъ глазами, съ распухшими вѣками возвратилась она въ бальную залу и, по приказанію отца, протанцовала «pas de châle». Послѣ красавицы, ей предшествовавшей, она показалась еще хуже, чѣмъ была въ самомъ дѣлѣ. Очень мнѣ было ее жаль».

Графъ Алексѣй Орловъ вообще обращался [2]) съ дочерью деспотически, по-старинному. Когда пріѣзжалъ къ нему утромъ гость—мужчина, которому онъ радъ былъ, онъ тотчасъ, бывало, кричитъ:

— Зовите сюда Анну!

Робко является она къ отцу.

— Анна! дорогой гость пожаловалъ! Мой для него полъ! Для дорогого гостя — полъ мыть!

И, несмотря на смущеніе и протестъ гостя, Орловъ кричалъ:

— Дочери не пожалѣю!

Несчастная графиня [3]) приносила полотенце, воды и сама полъ мыла въ гостиной.

Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!

---

[1]) «Па-де-шаль»— соло, танцуется съ легкимъ газовымъ шарфомъ въ рукахъ: танцующая то обмотывается имъ, то распускаетъ его.

[2]) Разсказы современниковъ.

[3]) Графиня Анна Алексѣевна Орлова не захотѣла замужъ итти и, послѣ смерти отца, посвятила себя вполнѣ молитвѣ и добрымъ дѣламъ, надѣясь святостью жизни искупить грѣхъ отца и вымолить у Бога спасеніе души его. Она много жертвовала по церквамъ. Большія имѣнія и конный заводъ завѣщала Казаковымъ.

Кромѣ характерныхъ танцевъ, въ то время танцовали на балахъ польскіе, экосезы, русскіе кадрили и манимаску. Эту манимаску никто теперь не помнитъ, и нигдѣ не читала я, чтобъ о ней упоминали; поэтому позволю себѣ небольшое отступленіе и запишу здѣсь, какъ я съ ней ознакомилась.

Въ 40-хъ годахъ я была уже замужемъ и матерью семейства. Два изъ сосѣднихъ дома, гдѣ были дѣти ровесники моимъ, сложившись со мной, согласились выписать на лѣто изъ Москвы въ деревню танцмейстера для обученія нашихъ дѣтей разнымъ танцамъ. По отъѣздѣ учителя и его скрипача, стали даваться у насъ танцовальные вечера, гдѣ я исполняла роль тапёра, а иногда замѣнялъ меня скрипачъ Потапъ Егорычъ, старикъ, бывшій крѣпостнымъ артистомъ сосѣда нашего Огарева [1]), разорившагося на садахъ и доморощенныхъ музыкантахъ. Сады были великолѣпны, оркестръ черезчуръ плохъ. Старику Потапу въ сороковыхъ годахъ нашего девятнадцатаго столѣтія было 80 лѣтъ, но онъ неутомимо и фальшиво могъ проигрывать цѣлыя ночи сряду. Иногда затѣемъ безумный гроссъ-фатеръ по всему двухъэтажному нашему никитскому дому: Потапъ идетъ за нами по лѣстницамъ и коридорамъ, играетъ не-

---

[1]) Сады у Огарева были чудные, съ большимъ вкусомъ посаженные и роскошно содержавшіеся, не по средствамъ хозяина-помѣщика. Онъ запрудилъ рѣчку Рыхотку, впадающую въ Донъ, и провелъ ее въ садъ. Тутъ, вмѣсто газона, былъ у него «Флоринъ лугъ», весь усаженный цвѣтами; гора была вся устлана дерномъ; тутъ были и лѣсочки, и развалины, и мостики, и бесѣдки, а на рѣчкѣ купальня стеклянная!

Попали мы къ Огареву неожиданно. Это было, вѣроятно, въ половинѣ 20-хъ годовъ, я была еще ребенкомъ. Мы съ матушкой ѣхали изъ села Сергіевскаго къ двоюродной сестрѣ ея, Толстой, рожденной княжнѣ Кутузовой-Смоленской, и сбились съ дороги. Послали въ господскій домъ просить провожатаго. Выходитъ самъ старикъ Огаревъ и проситъ матушку осчастливить его, войти къ нему отдохнуть. Отказать ему было бы неучтиво. Мы вышли изъ кареты. Хозяинъ повелъ насъ въ садъ свой. Лишь только матушка вошла въ него, какъ за кустами грянула музыка, и невидимый хоръ запѣлъ:

«Здравствуй, милая, пригожая моя!
Чернобровая, красавица душа!»

Матушка съ трудомъ удерживалась отъ смѣха. Этотъ оркестръ и хоръ перебѣгали по лѣсочкамъ и незримые сопровождали насъ во все время прогулки.

Огаревъ, кромѣ сада и оркестра, до-нельзя фальшиваго, хвастался еще тѣмъ, что когда онъ во всякое время дня закричитъ: «Подавайте чаю!»—тотчасъ являлся лакей съ подносомъ и налитыми чашками чая. Дѣло въ томъ, что чайникъ съ чаемъ весь день прѣлъ въ кухонной печи и, по приказанію барина, немедленно разливался въ чашки и подавался гостямъ. Но что это было! Въ ротъ его взять не было возможности!

Матушка любила чай и понимала въ немъ толкъ; она тотчасъ смекнула, въ чемъ дѣло, и отказалась отъ поданнаго напитка за себя и за насъ. Но несчастная наша англичанка Сарра попалась на удочку. Мы забавлялись гримасами, которыя она исподтишка строила, глотая отвратительный настой.

Теперь наслѣдники Огарева вырубили роскошный садъ, а Рыхотка вернулась къ прежнему теченію.

умолкая. Однажды, какъ-то бѣжимъ мы ужъ слишкомъ скоро подъ веселый темпъ гроссъ-фатера. Потапъ сорвался съ верхней ступеньки и покатился внизъ на спинѣ, скрипки же изъ рукъ не выпустилъ и, катясь, продолжалъ пилить свой гроссъ-фатеръ!

Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ пріѣзжаетъ къ намъ дядя Матвѣй Матвѣевичъ Муромцевъ, мужъ сестры моей матери, Варвары Гавриловны. Въ свое время дядя былъ блестящимъ гвардейскимъ офицеромъ, адъютантомъ Ермолова, раненъ пулей при Кульмѣ и украшенъ кульмскимъ крестомъ. Танцовалъ онъ отлично, какъ и всѣ свѣтскіе молодые люди той эпохи. Онъ до старости сохранилъ свой веселый характеръ, и мы всѣ его очень любили. Ему тогда было за 60 лѣтъ.

— Что вы тутъ танцуете, дѣти?— закричалъ онъ.— Давайте-ка я васъ поучу манимаскѣ!

— Поучите! поучите, дядя!—закричали мы хоромъ.

Но тутъ лица у всѣхъ вытянулись.

— Кто-жъ, дядюшка, сыграетъ намъ манимаску? Музыка къ ней уже не сушествуетъ!

Вдругъ блеснула мнѣ счастливая мысль.

— Потапъ!—кричу я ему изо всѣхъ силъ, потому что онъ былъ глухъ:—Потапъ! умѣешь ты играть манимаску?

— Умѣю, сударыня.

Мы захлопали въ ладоши. Допотопный скрипачъ помнилъ допотопную манимаску.

Дядя разставилъ пары, взялъ меня своей дамой, дирижировалъ при всеобщемъ хохотѣ, и пошла манимаска, какъ по маслу. Это было что-то въ родѣ кадрили, съ вальсомъ и разными затѣйливыми фигурами. Шестидесятилѣтній дядя вальсировалъ вдвое лучше молодыхъ кавалеровъ, но вальсироналъ въ три темпа, а не въ два, какъ тнцовали [1]) въ 1890 году.

V.

Обычаи, нравы и моды начала нынѣшняго столѣтія.—Фуро.—Прически.—Карики.—Рога изъ фальшивыхъ волосъ.—Незаконныя дѣти.—Меледа.—Parfilage de l'or.—Куреніе.

На домашнемъ театрѣ въ селѣ Гребневѣ игрывали дѣти дѣдушкины съ двоюродными сестрами и братьями: играли болѣе всего французскія пьесы, какъ-то «La gageure imprèvue», а иногда и нѣкоторыя комедіи Мольера.

[1]) Въ 1896 году два темпа въ вальсѣ считаются отсталыми. Три темпа— опять въ модѣ. «Dans les modes il n'y a de neuf que ce qui est oublié (въ модахъ ново только то, что позабыто).

Удивляюсь, какъ это занятіе, называемое благороднымъ спектаклемъ, которое не далѣе какъ въ наше время, т. е. въ 1881 году, многіе осуждали, какъ предосудительное для молодой дѣвушки, тогда въ концѣ восемнадцатаго и въ началѣ девятнадцатаго столѣтія, свободно дозволялось молодежи. А тогда въ Россіи куда какъ строже нынѣшняго соблюдали всѣ приличія! Молодыхъ дѣвушекъ держали немного лучше ихъ бабушекъ, чуть ли въ терема не запирали!

Матушка разсказывала, что за обѣдомъ онѣ, взрослыя, не смѣли громко говорить, а смѣяться—избави Богъ! Бабушка тотчасъ бросала на нихъ грозные взгляды, неминуемые предвѣстники послѣобѣденной бури, строжайшаго выговора и приговора.

«Обѣденный столъ былъ у насъ ежедневно человѣкъ на тридцать», разсказывала матушка. «Я и невѣстка Лиза, жена старшаго брата моего Павла, были очень смѣшливы; нарочно усядемся на самый конецъ стола, подальше отъ предсѣдательскаго мѣста матушки, чтобы не попасть впросакъ. А братья родные и двоюродные, какъ нарочно, усядутся около насъ и смѣшатъ во все время обѣда. Мы сидимъ ни живы ни мертвы. Особенно одинъ изъ нихъ умѣлъ, скорчивъ самое серьезное лице, нести такую смѣшную чепуху, что мы невольно расхохочемся; а онъ на насъ строго смотритъ, плечами пожимаетъ, головой качаетъ, а свое все несетъ. Видимъ, матушка грозно на насъ глядитъ... Бѣда! что тутъ дѣлать? Начнешь сморкаться, притворишься, что кровь носомъ пошла, встанешь со стула и скорѣе уйдешь. Невѣстка Лиза даже ухитрялась добиться, что при неминуемой гибели у нея дѣйствительно кровь носомъ шла. Почти ни одного обѣда не обходилось, чтобъ она или я не убѣгали изъ-за стола. Такъ не ѣвши и оставались. А братья-шалуны тому и рады».

Когда матушка была ребенкомъ, она и сестры ея надѣвали на парадныхъ праздникахъ парчевыя и газовыя фуро́ [1]), вышитыя золотомъ и серебромъ, а въ будни у нихъ были два фуро ситцевыя, изъ которыхъ одно мылось, а другое носилось. Въ воскресные дни надѣвали бѣлое каленкоровое фуро. Въ то время была еще въ модѣ пудра для волосъ: матушка помнила, какъ ихъ, дѣтей, ежедневно мучилъ крѣпостной парикмахеръ Глазовъ[2]), взбивалъ букли, жирно напомаживалъ ихъ, а потомъ пудрилъ.

«Отъ этой пудры», говорила матушка, «у самыхъ чистоплотныхъ заводились въ волосахъ паразиты. Насъ ежедневно вычесывали чистымъ гребнемъ, но избавились мы отъ паразитовъ только тогда, когда избавились отъ пудры».

«Моя мать», продолжала матушка, «была большая щеголиха. Мы,

---

[1]) Fourcau»—платье широкое, въ родѣ блузы.

[2]) Глазовъ впослѣдствіи получилъ вольную, имѣлъ свой магазинъ и большую въ Москвѣ практику. Глазова и я еще помню старикомъ.

старшія, всегда присутствовали при ея утреннемъ туалетѣ. Ежедневно въ продолженіе двухъ часовъ вычесывала она пудру изъ длинныхъ своихъ черныхъ волосъ. Передъ ней горничная держала серебрянный тазъ; въ этотъ тазъ вмѣстѣ съ пудрой сыпались паразиты. Они были такимъ нормальнымъ явленіемъ, что никто ими не стыдился и не стѣснялся. Помню, какъ на званомъ обѣдѣ у моего отца одинъ изъ гостей, молодой человѣкъ въ расшитомъ золотомъ бархатномъ кафтанѣ, почесалъ у себя въ напудренной головѣ, досталъ оттуда паразита и тутъ же подъ столомъ его раздавилъ. Никто этому не удивился и не погнушался».

Бабушка, по словамъ матери моей, всегда въ молодости носила шелковыя платья атласныя, бархатныя, гро-де-туровыя [1]) и проч. Для выѣзда въ саняхъ у нея была узкая, по таліи, шубейка изъ соболей, крытая парчей или глазетомъ; на головѣ шапочка изъ золотой парчи, съ собольей оторочкой. Этотъ нарядъ въ концѣ прошлаго восемнадцатаго столѣтія былъ въ большомъ употребленіи.

Въ началѣ же девятнадцатаго столѣтія стали молодыя женщины носить для осеннихъ выѣздовъ карики изъ казимира, родъ мягкаго, тонкаго сукна; они шились узкіе по таліи, съ пелеринкой. Когда выѣзжали на балъ, надѣвали легкія газовыя или крѣповыя платья, иногда вышитыя шелками, золотомъ и серебромъ. Лифы носили короткіе, платья узкія, слѣдуя французскимъ модамъ временъ революціи. Башмаки на балъ надѣвались открытые, низкіе, безъ каблуковъ, изъ цвѣтнаго сафьяна, иногда зеленаго или краснаго; чулки всегда шолковые. По случаю короткихъ платьевъ вся нога была на виду.

«Прическу», разсказывала матушка, «каждая изъ насъ, дѣвушка или замужняя женщина, носила, какую ей вздумается, смотря по тому, какая ей была къ лицу, что очень способствовало разнообразію ихъ красоты. Многія молодыя женщины, слѣдуя парижской модѣ, остригли себѣ волосы и завивали ихъ «à la victime» или à la Titus», какъ вы видите на современныхъ портретахъ. Одна изъ изъ московскихъ красавицъ, замужняя графиня N***, никогда не носила другого головнаго убора, кромѣ платка, повязаннаго на головѣ концами назадъ, какъ носятъ крестьянскія бабы. На балѣ этотъ платокъ былъ газовый цвѣтной, иногда вышитый золотомъ или шелками, иногда парчевый или глазетовый. Она находила, что никакой уборъ не соотвѣтствовалъ лучше ея красотѣ, какъ эта повязка, и никто не подумалъ осуждать въ ней этой оригинальности».

Не могу забыть, какъ въ 1835 году, когда я, пишущая эти воспоминанія, выходила замужъ, въ Москвѣ обязательно было каждой женщинѣ, замужней или дѣвушкѣ, надѣвать на самую маковку два

---

[1]) Gros de Tours.

безобразные изъ фальшивымъ волосъ рога [1]). Поэтому въ театрѣ можно было счесть число женщинъ по числу этихъ отвратительныхъ паръ роговъ!

Тогдашнія же барыни аристократки не занимались рукодѣльемъ по примѣру прабабушекъ своихъ, сидѣвшихъ за прялками въ высокихъ теремахъ. И чтеніемъ онѣ не особенно интересовались; матушка моя была въ свое время рѣдкимъ исключеніемъ. У бабушки моей и у свекрови я видала игру меледу, которой онѣ занимались. Меледа состоитъ изъ вилочки съ соединенными закругленными концами: на этой вилочкѣ надѣто извѣстное число колецъ, которыя слѣдуетъ то вздѣвать на вилочку, то снимать съ нея, для чего, если постоянно этимъ заниматься, то требуется нѣсколько сутокъ времени. Еще игрывали въ плоское, сплошное колесо, размѣра двухъ съ чѣмъ-то вершковъ, которое посредствомъ шнурочка то поднималось, то опускалось: эти колесики дѣлались изъ разнаго матеріала, какъ-то чернаго дерева, слоновой кости, иногда украшались драгоцѣнными каменьями. Но самымъ моднымъ занятіемъ было «le parfilage de l'or», т. е. свѣтскія дамы дома и даже на званыхъ вечерахъ занимались тѣмъ, что распускали золотое шитье поношенныхъ мундировъ и кафтановъ, отдѣляя чистое золото отъ шелка, на которомъ оно было обвито, и это золото потомъ обмѣнивали въ магазинахъ на другой товаръ. Мужчины, ухаживающіе за молодыми дамами, пользовались этой модой, чтобъ дѣлать имъ иногда очень цѣнные подарки, которые легкомысленныя красавицы принимали безъ зазрѣнія совѣсти.

«Я видѣла», говорила матушка, «какъ молодые люди приносили для «parfilage'a совершенно новые воротники, золотомъ шитые, и даже вещицы, видимо только что купленныя изъ магазина и стоящія по нѣсколько сотъ рублей. Какимъ образомъ рѣшались молодыя женщины хорошихъ семей принимать такіе дорогіе подарки? Но мода все извиняла»...

Мужчины играли въ вистъ, «ombre» (омбръ) [2]). Женщины въ карты не играли, по крайней мѣрѣ, рѣдко: въ карты только гадали.

«Въ началѣ нашего столѣтія», продолжала мать, «во время рѣдкихъ моихъ прогулокъ съ гостями внѣ ограды садовъ, я иногда издали видѣла садоваго сторожа, отставного солдата, сидящаго за каменной оградой у воротъ и курящаго изъ короткой трубочки, но лишь завидитъ онъ издали господъ, трубка его немедленно исчезала. Въ домѣ же никто никогда не курилъ. Считали это чѣмъ-то несообразнымъ, невозможнымъ. Какое же было удивленіе, ужасъ, ко-

[1]) Называли ихъ: Noeuds d'Apollon.

[2]) Отъ этой игры «l'ombre» (л'омбръ) происходитъ названіе: ломберный столъ или карточный.

гда, послѣ кампаніи 1812-го года, мои братья вернулись съ чубуками и трубками! Мать и слышать объ этомъ не хотѣла, но въ своихъ комнатахъ братья курили, а мы, сестры, понемногу привыкли къ этому безобразію».

Часто я думала: что бы сказала матушка, увидавъ меня и сестру мою Лизу курящими пахитосу или папиросу?

Е. Раевская.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ ЕКАТЕРИНЫ ИВАНОВНЫ РАЕВСКОЙ[1].

VI.

Дяди П. Г. Бибиковъ.—Его женитьба.—Биби.—1812 годъ.—Поѣздка въ Нижній Новгородъ.—Наборъ.—Сцена съ крестьянами.—Княгиня Кочубей.—Пожалованіе матушки фрейлиной.—Женитьба А. Х. Бенкендорфа на вдовѣ П. Г. Бибикова.—Представленіе имъ государю падчерицъ.—Дяди Д. Г. Бибиковъ.

ТАРШІЙ братъ матушки, Павелъ Гавриловичъ Бибиковъ, былъ, какъ и всѣ они, красивъ и, какъ первенецъ, любимецъ матери. Въ 1808 году, онъ былъ адъютантомъ у дяди своего, князя Михаила Иларіоновича Кутузова [2]). Будучи съ нимъ гдѣ-то на югѣ (не помню навѣрное, въ какомъ городѣ), онъ влюбился въ очень красивую дѣвушку дворянскаго польскаго происхожденія. Возвратясь въ Москву, онъ просилъ у матери позволенія на ней жениться.

«Иностранка! не русская!»—гордая мать, исполненная предразсудковъ того времени, ни за что не хотѣла дать своего согласія. Дядя Павелъ съ отчаянія заболѣлъ горячкой и въ бреду только и звалъ свою возлюбленную Лизу. Доктора сказали бабушкѣ, что, если она не согласится на бракъ сына, то они не отвѣчаютъ за его жизнь. Тяжела была борьба гордости съ любовью, но любовь осилила. Бабушка дала свое согласіе. Дядя

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXIV, стр. 523.

[2]) Женатаго на сестрѣ его отца, Екатеринѣ Ильиничнѣ.

выздоровѣлъ. Но самой присутствовать на свадьбѣ и допустить къ тому кого либо изъ дѣтей было выше силъ надменной женщины. Дядя уѣхалъ на югъ вѣнчаться.

Возвратился онъ съ молодой женой въ Москву, не предупредивъ о томъ никого изъ родныхъ. Собирается бабушка куда-то выѣхать со старшими дочерьми. По великолѣпной, высокой, гранитной парадной лѣстницѣ Пречистенскаго дома величаво спускается она, поддерживаемая подъ обѣ руки двумя выѣздными, ливрейными лакеями. Матушка моя съ сестрой сходятъ за ней. Вдругъ, видятъ онѣ, идетъ имъ на встрѣчу дядя Павелъ объ руку съ молодой, бѣлокурой красавицей. Красавица, увидя бабушку, отрывается отъ мужа и, обливаясь слезами, бросается въ ноги свекрови. Та ее поднимаетъ... Сынъ прощенъ.

Но любить свою невѣстку не въ силахъ была бабушка. За то матушка и тетушки скоро къ ней привязались и горячо ее полюбили. Эта дружба и впослѣдствіи сохранилась. Жаль имъ всѣмъ было молодой красавицы, попавшей въ чуждую семью, въ чуждую среду, въ чужую землю, вдали отъ кровныхъ родныхъ своихъ. Дядя же не могъ вынести холодности матери, которую нѣжно любилъ, къ женѣ, въ которую страстно былъ влюбленъ. Онъ опять уѣхалъ на войну. Первую дочь Павла Гавриловича, Екатерину, бабушка страстно полюбила. Дѣвочка сама себя прозвала «Биби», и такъ ее всегда звали въ семьѣ [1]).

Дядя Павелъ пріѣзжалъ въ отпускъ, потомъ опять уѣзжалъ на службу. Наступилъ 1812-й годъ. Объ этой эпохѣ въ нашей русской исторіи столько было писано, что о ней распространяться не стану.

Всѣ, кто могъ, уѣзжали изъ Москвы. Бабушка со всѣмъ семействомъ, съ внучкой Биби, съ беременной невѣсткой, поднялась въ Нижній Новгородъ. Взяли съ собой что могли изъ имущества, кого изъ прислуги и, ради больной невѣстки, молодую, восемнадцатилѣтнюю акушерку, нѣмку Елисавету Ивановну Ницманъ, которая, по искусству своему, впослѣдствіи была въ Москвѣ знаменитостью.

Въ 1812 году, отецъ мой, тогда уже обрученный женихъ, и всѣ дяди Бибиковы были въ дѣйствующей арміи. Одного пятнадцатилѣтняго сына Александра взяла бабушка съ собой почти насильно, но и онъ ждалъ своего назначенія, чтобъ поступить въ полкъ [2]).

---

[1]) Она была высокаго роста, бѣлокурая, но не такъ хороша, какъ мать ея: вышла замужъ за генерала Офенберга. Она до сихъ поръ жива, живетъ въ Дрезденѣ. У нея была очень хорошенькая дочь, вышедшая за Чихачева. Одинъ изъ ея сыновей командуетъ теперь бригадой. Дѣдушка всѣ имѣнія оставилъ женѣ, а она по произволу надѣляла дѣтей своихъ. Внучкѣ Екатеринѣ Павловнѣ она дала полторы тысячи душъ, часть, превышающую то, что получили сыновья, а второй внучкѣ Еленѣ Павловнѣ 500 душъ. Ни одна изъ дочерей бабушки не получила и половины этой доли.

[2]) Изъ Нижняго Новгорода онъ отправился въ полкъ, былъ убитъ такъ же, какъ и дядя Павелъ Гавриловичъ.

Тянется поѣздъ на своихъ лошадяхъ: нѣсколько каретъ, колясокъ, бричекъ и фуръ. Пріѣзжаютъ въ какую-то деревню Владимірской губерніи. Все населеніе на улицѣ. Берутъ рекрутовъ. Вотъ какимъ образомъ: всѣхъ поголовно и старыхъ и молодыхъ, кромѣ, конечно, дряхлыхъ стариковъ, становятъ въ рядъ. Наборщики начинаютъ съ конца, отсчитываютъ: разъ, два, три и т. д., десятому лобъ бреютъ: онъ рекрутъ! При томъ не обращаютъ вниманія ни на какія смягчающія обстоятельства. Ропотъ и отчаяніе во всемъ селѣ. А тутъ еще тянется поѣздъ барскій. Крестьяне скучиваются и съ громкимъ крикомъ окружаютъ экипажи. Останавливаютъ лошадей.

— У насъ сыновей, отцевъ берутъ въ солдаты, на бойню тащатъ, а господа бѣгутъ отъ французовъ! Держи ихъ!

Лакеи всѣ прячутся, кучера дрожатъ на козлахъ. Поѣздъ останавливается. Матушка, ей было тогда двадцать лѣтъ, спускаетъ окно кареты и, обращаясь къ толпѣ, спрашиваетъ: «что вамъ надо?». Увидя молодое, красивое лицо дѣвушки, толпа немного стихаетъ.

— Вотъ, барышня, у меня сына въ солдаты берутъ!

— И у меня!

— И у меня!

— А сколько у тебя сыновей?

— Три.

— А у тебя?

— Два.

— А у тебя?

— Четыре, да двое вовсе малолѣтки.

— Православные! — взываетъ матушка громкимъ голосомъ.— Осмотрите всѣ повозки! Увидите, что мы здѣсь однѣ женщины. Матушка старуха, вдова, у нея пять сыновей: четыре моихъ брата дерутся въ рядахъ арміи, а пятый почти ребенокъ, ему пятнадцать лѣтъ, а онъ рвется на войну, ждетъ только назначенія и надняхъ уѣдетъ въ полкъ. Мой женихъ, продолжаетъ она краснѣя, со слезами на глазахъ, —и тотъ теперь на войнѣ; живъ ли, нѣтъ ли? не знаю.

Крестьяне между тѣмъ утихли и успѣли осмотрѣть всѣ экипажи. Сняли шапки и почесали затылки.

— И впрямь, вишь, однѣ бабѣ да дѣти! Правду гуторитъ.

Разступилась толпа и съ поклономъ отпустила поѣздъ, который двинулся впередъ.

Въ Нижнемъ Новгородѣ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ губернскихъ городахъ, собралась цѣлая колонія москвичей [1]). Жили

[1]) Матушка мнѣ передала одинъ случай, бывшій въ Нижнемъ Новгородѣ во время ихъ тамъ пребыванія, случай, весьма рѣдкій въ лѣтописяхъ медицины.

грустно, между собою дружно, передавая другъ другу получаемыя изъ арміи извѣстія, которыя съ жадностью и трепетомъ читались и перечитывались. Привозились въ Нижній транспорты плѣнныхъ французовъ, голодныхъ и холодныхъ, которыхъ пригрѣвали и кормили, насколько кто могъ.

Тутъ беременная жена дяди Павла родила вторую дочь, Елену, которая въ свое время была одной изъ первыхъ петербургскихъ красавицъ. Она была въ отца, черноволосая, небольшого роста, но отлично сложена; цвѣтъ лица бѣлый, свѣжій; черные большіе глаза—Бибиковскіе; умъ и знаніе свѣта у нея были замѣчательные.

Портретъ Елены, когда она была замужемъ за милліонеромъ княземъ Бѣлосельскимъ-Бѣлозерскимъ, былъ помѣщенъ въ книгѣ «Le livre des beautés» [1]), изданномъ въ С.-Петербургѣ. Овдовѣвъ, Елена вышла за князя Кочубея. Послѣ смерти Кочубея она отказывала всѣмъ въ нее влюбленнымъ искателямъ ея руки. Австрійскій посланникъ, Эстергази, огорченный ея отказомъ, занемогъ и чуть не умеръ съ горя. Княгиня Кочубей до самой смерти занимала, какъ штатсъ-дама, весьма почетное мѣсто и пользовалась большимъ вѣсомъ при царскомъ дворѣ.

Въ послѣдній разъ видѣла я княгиню Кочубей въ Москвѣ у матушки моей въ 1855-мъ году: она привезла къ ней свою дочь [2]) Кочубей и племянницу Офенбергъ (дочь Биби); обѣ были очень красивы, каждая въ своемъ родѣ: молодая Офенбергъ была высокаго роста блондинка, а княжна Кочубей — небольшого роста въ мать; волосы каштановые, глаза каріе. Но красивѣе ихъ обѣихъ была сама княгиня Кочубей: ей было тогда 43 года, она была уже бабушкой, а казалось ей не болѣе двадцати пяти лѣтъ; особенно плѣняло выраженіе ея бархатныхъ, большихъ, черныхъ глазъ. Видѣла ее днемъ и безъ всякой примѣси косметиковъ на свѣжемъ, прекрасномъ лицѣ.

Не суждено было дядѣ Павлу видѣть этого прелестнаго ребенка. Въ Нижнемъ Новгородѣ получено было извѣстіе о его смерти. Онъ былъ убитъ на войнѣ съ Турціею. Въ то же почти время дядя Александръ былъ убитъ на дуэли въ арміи.

Когда императоръ Александръ I прибылъ въ Москву, то, сочувствуя горю бабушки, посѣтилъ ее. Она встрѣтила его, обливаясь слезами.

По просьбѣ дяди, фельдмаршала князя Кутузова-Смоленскаго, въ 1813-мъ году, матушка моя была пожалована фрейлиной императорскаго двора.

Одна молодая женщина ихъ круга, также бѣжавшая изъ Москвы, родила благополучно, но послѣ родовъ никакъ не могла поправиться. Врачи же не могли понять причины ея болѣзненнаго состоянія. Наконецъ, спустя мѣсяцъ послѣ родовъ, она выкинула трехъ-мѣсячнаго ребенка и потомъ совершенно выздоровѣла.

[1]) «Книга красавицъ».

[2]) Вышедшая впослѣдствіи за графа Шувалова.

Вдова дяди Павла, по окончаніи войны, жила съ дѣтьми у бабушки моей; потомъ уѣхала къ своимъ роднымъ, гдѣ познакомилась съ графомъ Александромъ Христофоровичемъ Бенкендорфомъ, за котораго и вышла замужъ [1]). Дочь ея Елену отчимъ боготворилъ: онъ и впослѣдствіи ее любилъ болѣе своихъ собственныхъ дочерей, красивыхъ блондинокъ.

Когда Бенкендорфъ доложилъ государю Александру I о своей женитьбѣ, государь пожелалъ видѣть его двухъ падчерицъ Бибиковыхъ. Ихъ повезли во дворецъ. Старшая была въ мать бѣлокурая и не дурна собой, но застѣнчива и молчалива. Меньшая Елена, по третьему году, была красавица брюнетка со вздернутымъ, шаловливымъ носикомъ и умна не по лѣтамъ. Царь взялъ ее на руки и спросилъ:

— Нравлюсь ли я тебѣ? (разговоръ шелъ на французскомъ языкѣ).

— Очень,—отвѣтила дѣвочка и ручкой погладила царя по лысинѣ.—Vous êtes chauve comme papà (она такъ звала отчима), mais quelle différence! Vous êtes beau, et papa est laid! [2]).

Государь поцѣловалъ ее и попросилъ ее спѣть ему пѣсенку. Дѣвочка тотчасъ запѣла:

«Vive Alexandre! vive le roi des rois!» [3])
и такъ далѣе.

Эта пѣсня тогда сложена была въ честь Александра I.

Когда, послѣ этого дѣтскаго визита, государь увидалъ Бенкендорфа, то сказалъ ему:

— Не ссорь меня съ бабушкой: я знаю, что она старшую внучку боготворитъ; а признаюсь тебѣ, меньшая гораздо милѣй!

Второй по лѣтамъ сынъ бабушки, дядя мой Дмитрій Гавриловичъ Бибиковъ (при императорѣ Николаѣ I генералъ-губернаторъ въ Кіевѣ, а потомъ министръ внутреннихъ дѣлъ), былъ въ 1812 году адъютантомъ фельдмаршала князя Михаила Иларіоновича Кутузова-Смоленскаго. При Бородинѣ ему ядромъ оторвало лѣвую руку.

«Руки нѣтъ,—разсказывалъ онъ мнѣ,—а я все сижу верхомъ на своей лошади. Подъѣзжаю къ тому мѣсту, гдѣ доктора перевязывали раненыхъ.

---

[1]) Графъ Александръ Христофоровичъ Бенкендорфъ былъ любимъ императоромъ Александромъ I, а при императорѣ Николаѣ I, сдѣлался однимъ изъ самыхъ вліятельныхъ людей его царствованія. Ему принадлежалъ замокъ Фаль близъ г. Ревеля.

[2]) «Вы лысы, какъ папа, но какая разница! Вы прекрасны, а папа нехорошъ собой».

[3]) «Да здравствуетъ Александръ!
Да здравствуетъ царь царей!»

— «Господа! говорю, мнѣ руку оторвало; прошу васъ, перевяжите».

— «Некогда намъ, говорятъ, ступайте на перевязочный пунктъ.

«А я зналъ, перевязочный пунктъ за пять верстъ дальше. Дорогой я истекъ бы кровью.

— «Хорошо, говорю, поѣду. Но знайте, я — Бибиковъ, племянникъ и адъютантъ фельдмаршала.....

«Не успѣлъ я этихъ словъ договорить, какъ ужъ сняли меня съ лошади, мундиръ скинули.... Я лежалъ, и мнѣ руку рѣзали».

Сколько же несчастныхъ мучениковъ тогда остались безъ помощи и погибали отъ небрежности и жестокосердія своихъ же соотечественниковъ! Какъ не благословлять спасительное учрежденіе общества Краснаго Креста и достойныхъ, милосердыхъ его членовъ?

Дмитрій Гавриловичъ, замѣчательный красавецъ, женился на черноволосой, стройной красавицѣ Софьѣ Сергѣевнѣ, рожденной Кушниковой. Она была ему доброй женой, а вмѣстѣ и богатой наслѣдницей. Женившись, дядя, будучи генералъ-адъютантомъ при Николаѣ I, попреимуществу живалъ въ С.-Петербургѣ, гдѣ имѣлъ свой великолѣпный домъ; исключеніемъ было только то время, когда онъ былъ генералъ-губернаторомъ кіевскимъ, волынскимъ и подольскимъ съ 1838 по 1842 г. Съ 1848 по 1858 г. былъ членомъ государственнаго совѣта, а министромъ внутреннихъ дѣлъ съ 1852 по 1855 г. Съ матушкой моей, а потому и съ нами, онъ и жена его всегда были въ родственныхъ отношеніяхъ. Въ доказательство приведу слѣдующій случай. По разнымъ обстоятельствамъ мнѣ надобно было розыскать одну молодую дѣвушку моихъ лѣтъ, которую никогда не видала, а знала только приблизительно ея года и крещеное имя, и что жила она въ какомъ-то городѣ, гдѣ много жидовъ. Я написала въ Кіевъ дядѣ Дмитрію Гавриловичу, прося его, не можетъ ли онъ, при такихъ ничтожныхъ данныхъ, розыскать вышеозначенную особу. Дядя поставилъ на ноги всю полицію, и я вскорѣ получила адресъ и письмо этой молодой женщины, чѣмъ и успокоила ея родственниковъ.

Въ Москвѣ дядя Дмитрій Гавриловичъ бывалъ очень рѣдко, но когда пріѣзжалъ, посѣщалъ меня. Когда въ 1858 году онъ заѣхалъ ко мнѣ, всѣ дѣти мои окружили его и съ благоговѣніемъ смотрѣли на его сѣдины, на красивыя черты его лица, на блестящіе большіе черные глаза подъ черными бровями и на «пустой» рукавъ его генеральскаго мундира.....

— Они на меня смотрятъ, какъ на какого Святослава, — засмѣялся дядя.

VII.

Мое воспитаніе.—Бонна М. А. Гейнцъ.—Мои братья.—Собака Жюль.—Любовь крѣпостныхъ къ моей матери.—Саввинъ монастырь.—Село Михайловское.—Помѣщикъ Ардальоновъ.—Картинная галлерея отца.—Князь Юсуповъ.—Сестра Лиза.—Система преподаванія моей матери.—Хозяйство и образъ жизни моихъ родителей.—Е. Е. Кашкина.—Любитель чая.—Тетушка Сумбулова.

17-го января 1814 года, по окончаніи войны, отецъ мой обвѣнчался съ матушкой Софьей Гавриловной Бибиковой, второй дочерью Гавріила Ильича: военную службу онъ продолжалъ, и будучи женатымъ.

Матушка схоронила двухъ старшихъ дочерей, Софью и Варвару, младенцами и горько ихъ оплакала. Когда, послѣ ихъ кончины, родилась я, 3-го октября 1817 года, то отецъ и мать горячо меня полюбили. Матушка, по слабости здоровья, не могла сама кормить, но ни минуты отъ меня не отлучалась. Сама брала меня на руки и подавала кормилицѣ, красивой, здоровой крестьянкѣ, Февроньѣ Васильевнѣ [1]), изъ Коломенскаго имѣнія Бибиковыхъ. Говорятъ, что я такъ привыкла получать пищу изъ рукъ матери, что, проголодавшись, всегда тянулась къ ней, а не къ кормилицѣ.

Матушка бросила всѣ великосвѣтскія знакомства, даже въ театръ перестала ѣздить и постоянно мной занималась. Когда я, ребенкомъ, бывала больна, говорятъ, отецъ по цѣлымъ часамъ нашивалъ меня на рукахъ по комнатамъ, а онъ до маленькихъ дѣтей вообще не былъ охотникомъ.

До двухъ лѣтъ ходила за мной кормилица, которую преобразовали въ няньку: она была такъ умна, что матушкѣ жаль было съ ней разстаться; только по просьбѣ ея мужа ее отпустили обратно въ деревню. Когда мнѣ минуло два года, матушка взяла мнѣ шестнадцатилѣтнюю бонну, нѣмку, Марью Андреевну Гейнцъ, которую тутъ же сама воспитала и руководила на каждомъ шагу, такъ что создала изъ нея такую гувернантку, лучше которой нельзя было желать. Вѣроятно, Марья Андреевна природой одарена была нравомъ кроткимъ и воспріимчивымъ: она прожила у насъ десять лѣтъ сряду. Съ ней я скоро выучилась говорить понѣмецки.

Братъ Александръ былъ моложе меня одиннадцатью мѣсяцами. Когда же мнѣ минуло четыре года, родилась сестра Елисавета. Взяли къ намъ англичанку. Англичанки у насъ мѣнялись; почему-то ма-

[1]) У меня уже были внуки, когда моя кормилица, все еще бодрой старухой, продолжала посѣщать меня въ селѣ нашемъ Никитскомъ. Мужъ и сыновья ея содержали постоялый дворъ въ Тамбовской губерніи. Они жили въ довольствѣ, богато. Объ одномъ жалѣла кормилица: у нея не было дочерей, поэтому она еще нѣжнѣе ко мнѣ ласкалась.

тушка была ими недовольна; но Марья Андреевна оставалась неизмѣнною. Мы ее очень любили.

Не помню, когда я начала говорить и читать пофранцузски: учила меня этому матушка, а она имѣла рѣдкую способность обучать дѣтей такъ, что ученье казалось имъ не ученьемъ, а забавой.

Къ стыду своему сознаюсь, что порусски я читала и говорила очень плохо. Въ домѣ у насъ и вообще во всѣхъ гостиныхъ говорили всѣ на иностранныхъ языкахъ; съ горничными же я никогда не бывала. Марья Андреевна порусски говорила очень плохо, и я не лучше ея.

Кромѣ сестры и брата Александра [1]), былъ у меня еще братъ Илья, шестью годами моложе меня. Братъ старшій, Александръ, воспитывался со мною; вмѣстѣ мы играли, вмѣстѣ учили уроки. Братъ учился математикѣ, латинскому языку, и я съ нимъ по собственной охотѣ всему этому училась. Бывало лѣтомъ, только взойдетъ солнце, мы уже на балконѣ, въ подмосковномъ селѣ Михайловскомъ, сидимъ или ходимъ, учимъ наизусть басни Федра.

Братъ Александръ былъ не по лѣтамъ ловокъ и силенъ. Бывало, лѣтъ осьми, посадитъ меня на одну руку, сестру Лизу на другую и бѣгаетъ съ нами по комнатѣ. Храбрость, ловкость и великодушіе были у него врожденными качествами.

Разсказывала матушка, какъ съ братомъ изучала русскую исторію: шла рѣчь о Димитріи Донскомъ, какъ во время нашествія татаръ на Москву Димитрій уѣхалъ во Владиміръ.

— Почему, думаешь ты, онъ уѣхалъ? — спросила матушка у брата.

Александръ покраснѣлъ, потомъ подошелъ поближе къ матери и, озираясь, не слышитъ ли кто его, шепотомъ сказалъ ей на ухо:

— Струсилъ.

Шли мы однажды съ матерью гулять: пришлось подъ вечеръ идти сплошнымъ, темнымъ лѣсомъ. Александръ, по восьмому году, поднялъ палку и, молча озираясь, пошелъ рядомъ съ нами. Когда мы вернулись домой, матушка обратилась къ мальчику.

— Зачѣмъ ты взялъ палку, когда мы шли лѣсомъ?—спросила она.

— Я думалъ,—отвѣтилъ онъ,—что, если волки или разбойники на васъ нападутъ, то я палкой ихъ прогоню.

Когда Александру было лѣтъ пять, онъ попросилъ позволенья поиграть отцовской саблей. Играетъ онъ ею довольно долго, потомъ кладетъ саблю на мѣсто и, молча, отправляется въ дѣтскую. Вдругъ матушка видитъ, что послѣ него по всему паркету гостиной остается кровавый слѣдъ. Она очень испугалась и побѣжала за ребенкомъ.

---

[1]) Онъ названъ былъ Александромъ въ честь крестнаго отца своего, императора Александра I.

Видитъ, у него палецъ на босой ногѣ разрубленъ, и кровь струей течетъ изъ свѣжей раны.

— Что съ твоей ногой?

— Ничего, мама.

— Какъ—ничего? палецъ разрубленъ!

Александръ вдругъ залился слезами.

— Мама, простите! Дайте мнѣ опять саблей играть!

Надо замѣтить, что братъ всегда и зиму и лѣто ходилъ босикомъ, даже лѣтомъ гулялъ по лѣсамъ и оврагамъ босой, какъ крестьянскій мальчикъ. Только, когда мы гуляли зимой въ городѣ, то ему надѣвали на босу ногу кожаные башмаки. Матушка его къ этому пріучила, чтобъ подкрѣпить его здоровье, которое, послѣ его рожденія, врачи объявили очень шаткимъ. Александръ въ отца былъ бѣлокуръ и глаза имѣлъ голубые, а сестра, братъ Илья и я были черноволосы въ матушку. Каждый вечеръ мылъ Александръ холодной водой свои красивыя, бѣлыя, безукоризненно-чистыя ноги и никогда не зябъ.

Когда у насъ всѣхъ была корь или скарлатина, то его не укладывали, какъ насъ, въ постель, а только обували и надѣвали поверхъ сорочки съ косымъ воротомъ суконную поддевку и сажали на диванъ, и онъ выздоравливалъ гораздо раньше насъ. Разъ только, лѣтъ четырнадцати, пролежалъ онъ съ недѣлю въ горячкѣ, и когда всталъ, то ни одно платье ему не годилось, онъ въ одну недѣлю выросъ почти на три вершка (фактъ).

Была у насъ прелестная, лягавая, коричневая собака: кличка ей была Jules (Жюль). Ее еще щенкомъ подарили отцу, и она выросла у насъ въ домѣ. Мы съ ней всегда играли; она намъ сопутствовала во всѣхъ нашихъ прогулкахъ по полямъ и лѣсамъ, никогда насъ не кусала, несмотря на то, что мы иногда порядкомъ ее мучили.

Когда мы, гуляя, запаздывали возвратомъ домой, и матушка безпокоилась, то люди ей говорили: «Не извольте безпокоиться, Жюль съ дѣтьми пошелъ». Онъ былъ самымъ вѣрнымъ нашимъ защитникомъ.

Но чужихъ Жюль не терпѣлъ и не подпускалъ къ дому. Стóило закричать: «чужой!» и онъ бросался, хваталъ всякаго за горло. За то всѣ его боялись.

Разъ, въ сумерки, десятилѣтній Александръ усѣлся на полъ въ темномъ углѣ дѣтской, гдѣ мы одни играли, а братъ Илья, большой шалунъ, держа Жюля за ошейникъ, указалъ ему на Александра и закричалъ: «чужой!» — собака кинулась съ лаемъ и, не узнавъ Александра, вцѣпилась въ него... Мы, дѣвочки, подняли крикъ. Сбѣжался весь домъ. Между тѣмъ Жюль, узнавъ свою ошибку, сконфуженный, поджавъ хвостъ, уже лежалъ у нашихъ ногъ. Всѣ перепугались.

— Жюль тебя укусилъ? — спросилъ отецъ у Александра.

— Нѣтъ, папа, не кусалъ,— говоритъ Александръ, а самъ прячетъ руку за спину.

— Поди сюда,— сказала матушка.

Ослушаться нельзя было. Братъ подошелъ.

— А это что?—продолжала матушка, увидавъ, что рукавъ на той рукѣ, что пряталась за спину, весь разорванъ.

— Это — ничего!

— Какъ ничего?

Матушка съ ужасомъ увидала, что изъ руки Александра, ниже локтя, былъ выкушенъ цѣлый кусокъ мяса! (рубецъ отъ этой раны у него остался навсегда).

— Что-жъ ты говоришь, что Жюль тебя не кусалъ?

Тутъ мальчикъ зарыдалъ.

— Вы его бить будете, этого бѣднаго Жюля!

Собаку заперли во флигелѣ. Она съ тоски ничего ѣсть не хотѣла, а на слѣдующій день вырвалась и прибѣжала къ намъ въ дѣтскую. Мы ей очень обрадовались, но люди, блѣдные, какъ полотно, сбѣжались, увѣряя, что собака взбѣсилась. Какъ ни приказывала имъ гувернантка взять ее обратно во флигель и тамъ запереть, никто не рѣшался къ ней подойти: отца же и матери не было дома, они куда-то уѣхали. Тогда шестилѣтняя сестра Лиза подошла къ Жюлю, надѣла ему на шею свой носовой платокъ и повела его сама черезъ весь дворъ во флигель, гдѣ люди, шедшіе за нѣсколько шаговъ позади ея, заперли собаку.

Въ сущности, Жюль вовсе не взбѣсился, но мы напрасно умоляли, чтобъ намъ его отдали; матушка боялась его опять пустить въ домъ, и, къ великому нашему горю, его кому-то подарили. Мы со слезами смотрѣли на него, когда его увозили, и казалось намъ, что и Жюль бросалъ на насъ отчаянные взгляды... Долго не могли мы простить брату Ильѣ потери нашего любимца.

Постоянное общество насъ, дѣвочекъ, развило въ Александрѣ добрый и уживчивый нравъ, а мнѣ братъ сообщилъ нравственное мужество и энергію, которыми природа меня не одарила.

Я слышала, какъ посторонніе выговаривали моей матери, почему она меня, дѣвочку, обучаетъ наукамъ, годнымъ только мужчинамъ. Это было въ двадцатыхъ годахъ нашего столѣтія, когда въ высшемъ кругу обучали только танцамъ, бряцанью на рояли и французской болтовнѣ. Но я уже говорила, что матушка опередила свой вѣкъ; она не смущалась чужими рѣчами и продолжала поступать по своимъ убѣжденіямъ. Вмѣстѣ съ научными занятіями насъ пріучали и къ рукодѣлью, шитью бѣлья, платьевъ и кройкѣ ихъ.

Матушка была не только высоко образованная женщина и чадолюбивая мать, но и милостива ко всѣмъ. Крестьяне ее обожали, и до сихъ поръ память о «матушкѣ нашей Софьѣ Гавриловнѣ» жи-

ветъ въ подмосковномъ селѣ Михайловскомъ [1]) и въ степномъ селѣ Сергіевскомъ [2]). Она лѣчила больныхъ очень успѣшно, перевязывала раны, присутствовала при опасныхъ родахъ крестьянскихъ бабъ, и вездѣ сопутствовали ей благословенія бѣдняковъ. Она и насъ пріучила видѣть въ крестьянахъ людей, а не машины для выколачиванія денегъ.

По зимамъ мы живали въ Москвѣ, гдѣ тогда отецъ служилъ, а лѣто проводили въ имѣніи матери, селѣ Михайловскомъ, куда отецъ пріѣзжалъ въ отпускъ.

Село Михайловское, въ 60 верстахъ отъ Москвы, Звенигородскаго уѣзда, Московской губерніи, лежитъ на лѣвомъ берегу Москвы-рѣки, въ 17 верстахъ отъ города Звенигорода, такъ названнаго, гласитъ преданіе, потому, что во времена татарскихъ и литовскихъ нашествій, когда къ Москвѣ приближались вражьи полчища, въ Звенигородѣ раздавался звонъ изъ всѣхъ колоколовъ, и на этотъ звонъ собиралась рать изъ всей окрестности для обороны столицы отъ приближающихся враговъ.

Близъ Звенигорода стоитъ Саввинъ монастырь, чтимый царями изъ рода Романовыхъ. За его стѣнами скрывались отъ стрѣльцовъ царица Наталья Кирилловна съ малолѣтнимъ Петромъ I. Звонъ громаднаго колокола, подареннаго Саввину монастырю царемъ Алексѣемъ Михаиловичемъ, слышала я не разъ, гуляя ребенкомъ въ селѣ Михайловскомъ. Насъ, дѣтей, возили въ Саввинъ монастырь поклониться святымъ мощамъ [3]) преподобнаго Саввы, въ то время открытымъ. Какъ теперь, вижу блѣдный, заостренный носъ и тонкій профиль святого угодника Божія.

Село Михайловское, гласитъ старинная лѣтопись, было когда-то городомъ: видны еще мѣста, гдѣ стояли церкви, но остались лишь слѣды ихъ фундамента, а срытый въ два уступа холмъ былъ во время оно занятъ городскими укрѣпленіями. На верхней площадкѣ выстроенъ теперь большой каменный храмъ во имя Михаила Архангела: онъ окруженъ деревьями и виденъ за четырнадцать верстъ. На нижней площадкѣ стоялъ во времена моего дѣтства нашъ большой домъ, послѣ кончины моихъ родителей проданный на свозъ, а теперь выстроенъ небольшой домикъ моей дочери Александры: онъ окруженъ садомъ съ цвѣтниками.

Въ старой церкви села Михайловскаго находились два изваянія, грубо вытесанныя изъ дерева и такъ же грубо окрашенныя масляными красками, аршина въ полтора или немного болѣе вышины.

---

[1]) Михайловское принадлежитъ теперь моей дочери Александрѣ, и старушки крестьянки ей говаривали, когда она въ болѣзняхъ ихъ посѣщала: «Какъ ты, голубушка, похожа на нашу матушку Софью Гавриловну».

[2]) Село Сергіевское принадлежитъ сыну моего брата Ильи, Гавріилу Ильичу Бибикову.

[3]) Теперь эти мощи закрыты.

Одно изъ нихъ изображало св. Николая Чудотворца, съ митрой на головѣ, держащаго въ рукѣ мечъ; другое — св. Пятницу. Я, будучи ребенкомъ, видала, какъ, въ засуху, крестьяне носили крестнымъ ходомъ эти изваянія по полямъ и лугамъ, молясь о дождѣ. Теперь этого уже не дѣлаютъ.

Господинъ Ардальоновъ [1]), прежній помѣщикъ села Михайловскаго, возмущенный при видѣ этихъ безобразныхъ изваяній, стоявшихъ тогда въ самой церкви, и считая ихъ идолами, приказалъ ихъ изъ церкви взять и запереть къ себѣ въ подвалъ. Крестьяне сельскіе, тогда почти всѣ старовѣры, вознегодовали на своего помѣщика за такое оскорбленіе святыни, окружили домъ его съ зажженными факелами и грозили его сжечь вмѣстѣ съ бариномъ, если тотъ не отдастъ имъ обратно «боговъ» ихъ.

Ардальоновъ былъ принужденъ покориться: изваянія перешли опять изъ подвала въ церковь, но помѣщикъ въ этомъ имѣніи до лѣе жить не захотѣлъ и тутъ же продалъ его матушкѣ.

Когда, нѣсколько лѣтъ тому, я была у дочери, новая церковь строилась, а въ старой еще служили. Оба въ ней изваянія стояли въ трапезѣ, за стекломъ.

Въ этомъ-то прелестномъ Михайловскомъ протекли лучшіе, счастливѣйшіе дни моего дѣтства. Эти годы остались въ моей памяти ярко озаренными солнечными лучами и пропитанными ароматомъ лѣсныхъ и луговыхъ цвѣтовъ.

Какъ теперь, вижу выстроенный моимъ отцомъ высокій домъ изящной архитектуры съ мезониномъ и антресолями, окруженный высокими, огромными балконами, уставленными померанцевыми деревьями. На крышѣ дома, когда пріѣзжалъ отецъ, развѣвался большой флагъ съ Мальтійской звѣздой [2]): этотъ флагъ былъ виденъ верстъ за десять; домъ стоялъ на утесѣ, какъ на пьедесталѣ. Передъ самымъ домомъ холмъ кончался обрывомъ, устланнымъ дёрномъ, а у подошвы его стелются и теперь заливные луга, испещренные цвѣтами, а по нимъ, извиваясь голубой лентой, бѣжитъ Москва-рѣка. Сквозь воду ея, какъ хрусталь прозрачную, видно бѣлое пещаное дно, а въ водѣ играютъ на солнцѣ тысячи ершей и пискарей. Мы, дѣти, часто ходили удить рыбу, но я ни одной рыбы никогда не выудила, потому что, не слѣдуя примѣру товарищей, выбиравшихъ глубокія, темныя мѣста, садилась всегда на берегу у мелководія и въ прозрачной водѣ по цѣлымъ часамъ любовалась игрой тысячи разнородныхъ рыбокъ, блестящихъ чешуйками подъ лучами солнца; а удочка безъ дѣйствія лежала забытая около меня на травѣ.

[1]) У него матушка купила это имѣніе на свои приданыя деньги за 60.000 р. ассигнаціями. Тамъ было около 3.000 съ чѣмъ-то десятинъ земли и считалось 300 душъ крестьянъ. Тутъ были большіе лѣса и заливные луга.

[2]) Отецъ мой наслѣдовалъ отъ отца своего «Мальтійскій орденъ». Въ то время онъ былъ наслѣдственнымъ.

Съ высоты холма можно было окинуть взоромъ нѣсколько десятковъ верстъ, множество прибрежныхъ деревень, дальнихъ рощъ и лѣсочковъ. Пріѣзжіе гости, войдя со второго этажа на верхній балконъ, долго, бывало, не могли оторваться отъ этого очаровательнаго вида.

Мы же, дѣти, предпочитали большую, развѣсистую березу, росшую у самой террасы. Тутъ мы строили шалаши, готовили кушанье изъ мокраго песку и крошечной рѣпы.

Въ деревнѣ, да еще лѣтомъ, дѣтямъ—раздолье. Цвѣтовъ, ягодъ, грибовъ хоть прудъ пруди. Гулянье по лѣсамъ, купанье въ рѣкѣ, даже подъ палящими лучами солнца... но что дѣтямъ отъ солнца? Они крѣпнутъ отъ его лучей и не утомляются ими.

Ночевали мы, дѣвочки, въ большой высокой комнатѣ, рядомъ съ комнатой нашей гувернантки-нѣмки, Марьи Андреевны. Два большихъ нашихъ окна выходили на цвѣтникъ, что̀ намъ очень нравилось

Прелестное Михайловское и уроки моего друга и наставника въ русскомъ языкѣ, Василія Андреевича Зо́лотова [1]), развили во мнѣ наслѣдованную мною отъ отца любовь къ природѣ и къ деревенской жизни. Я любила убѣгать отъ товарищей и одной уходить въ любимую рощицу изъ березъ и кленовъ, растущихъ надъ свѣтлымъ ручьемъ. Тутъ бросалась я на траву и, закинувъ руки за̀-голову, смотрѣла на синее небо и на зеленую, на немъ обрисованную, листву; смотрѣла, какъ бѣлыя облака будто гонимы этими, тихо колебленными вѣтромъ вѣтвями; будто вѣтви эти сметали ихъ съ небесной лазури... и я утопала въ этой ясной синевѣ, будто сливаясь съ ней...

Въ эти неизъяснимо-сладкія минуты я забывала все, и только голосъ Марьи Андреевны, меня ищущей, возвращалъ меня къ дѣйствительности...

Однажды, ночью, я проснулась отъ сильнаго громового удара. Вся комната освѣтилась молніею, и я, нимало не испугавшись, соскочила съ кровати и, вскарабкавшись на высокій подоконникъ, ухитрилась тихонько отворить окно и усѣлась на немъ, поджавши босыя ноги подъ длинную ночную рубашку. Долго я такъ сидѣла, любуясь раскатами грома и яркою молніею, которая, раздирая тучи, освѣщала на мигъ дальнія поля, лѣса̀, деревни, извилистую Москву-рѣку, цвѣтникъ подъ окнами, меня самоё, девятилѣтнюю дѣвочку, а потомъ угасала въ прозрачной темнотѣ благовонной іюньской ночи.

Большая картинная галлерея моего отца въ селѣ Михайловскомъ. доставляла мнѣ также немалое наслажденіе. Эта галлерея составляла часть дома; къ ней вела стеклянная дверь изъ кабинета моего отца

[1]) О В. А. Золотовѣ, о моихъ съ нимъ урокахъ и о вліяніи его на мое дѣтство, напечатана была особая моя статья въ «Русскомъ Архивѣ» въ I томѣ 1883 г. подъ заглавіемъ: «Въ память В. А. Зо́лотова».

и она простиралась во всю ширину дома; освѣщали её съ двухъ концовъ по одному большому итальянскому окну. По срединѣ галлереи былъ каминъ и надъ нимъ бюстъ Аполлона. Длина ея была—двадцать четыре аршина (во всю ширину дома), ширина — двѣнадцать, вышина — девять. Эта галлерея украшена была картинами хорошихъ мастеровъ. Такъ какъ отецъ былъ страстнымъ охотникомъ, то большая часть картинъ представляла охоту за звѣрями.

Помню, какъ пріѣзжалъ къ намъ старый князь Юсуповъ, самъ любитель и знатокъ живописи, долго ходилъ по отцовской галлереѣ и хвалилъ его коллекцію.

Какъ ребенку, памятенъ былъ старый князь тѣмъ, что мнѣ странными показались его высокіе бархатные сапоги. Старый князь страдалъ подагрой.

Онъ особенно любовался четырьмя Шнейдерсами огромнаго размѣра: охотою за медвѣдями и охотою за оленемъ; обѣ картины въ натуральную величину. Другія двѣ представляли garde-manger; тутъ была битая дичь, фрукты и цвѣты. Въ одной изъ нихъ, въ правомъ углу снизу—голова собаки, тянувшейся къ дичи, а на лѣвомъ, сверху — бѣлокудрявый юноша, въ средневѣковомъ одѣяніи держащій на пальцѣ попугая. Эту фигуру приписывали кисти Рубенса, и дѣйствительно колоритъ ея напоминалъ этого знаменитаго художника [1]).

Была также большая, въ натуральную величину картина французской школы, художника Обри [2]), вѣроятно, портретъ. Во весь ростъ сидитъ старый охотникъ, отдыхая подъ деревомъ; онъ снялъ фуражку, и на высокомъ лбу, окаймленномъ рѣдкими, сѣдыми кудрями, выступилъ каплями потъ. Онъ держитъ ружье: при немъ вся охотничья амуниція; въ глазахъ сіяетъ радость успѣшной охоты. По обѣ стороны двѣ лягавыя собаки французской породы: изъ нихъ одна подаетъ ему во рту какую-то дичь. Эти собаки, вѣроятно, также портреты, потому что надъ одной большими золотыми буквами написано: «Lise», а надъ другой — «Fine Lise». Эту картину, позднѣе, продалъ отецъ Ивинскому за шестьсотъ рублей.

Двѣ картины Simon Chardin (Симонъ Шарденъ) помѣчены его именемъ и 1733 годомъ. Это два—pendants. На обѣихъ написана битая дичь, кремневыя ружья, рогъ и пейзажъ, а на первомъ планѣ по собакѣ въ натуральную величину; на одной—пудель, обнюхивающій дичь, а на другой—французская, лягавая собака, навострившая уши. Эти картины, обѣ трехъаршинной вышины, казались маленькими въ сравненіи со Шнейдерсами и другими историческими [3]).

---

[1]) Извѣстно, что Шнейдеръ—ученикъ Рубенса: фигуръ онъ писать не умѣлъ, а въ его картинахъ рисовалъ ихъ часто учитель его, Рубенсъ.

[2]) Aubry, peintre du roi (Смотри: Histoire des peintres).

[3]) Двухъ «Симоновъ Шарденъ» отецъ подарилъ моему старшему сыну: онъ находится въ селѣ Никитскомъ, принадлежащемъ теперь моимъ внукамъ Раевскимъ.

Нѣкоторыя картины отецъ раздарилъ друзьямъ своимъ, а четырехъ Шнейдерсъ купилъ англичанинъ, пріѣхавшій въ Россію скупать картины этого мастера; отецъ продалъ ихъ за бездѣлицу, въ сравненіи съ ихъ стоимостью — за четыре тысячи рублей. Я плакала, когда увезли эти картины... Но мы тогда уже не жили въ Михайловскомъ, а переѣхали въ Рязанскую деревню, доставшуюся отцу по завѣщанію отъ мачихи. Въ этомъ имѣніи, селѣ Сергіевскомъ, домъ былъ маленькій; комнаты, сравнительно, низкія; картины тамъ помѣстить—немыслимо, а оставить ихъ въ нетопленной галлереѣ села Михайловскаго, подъ присмотромъ старосты-мужика, было тоже, что погубить ихъ. Мало ли что могло съ ними случиться?

Въ картинной галлереѣ мы, дѣти, игрывали въ ненастные дни, но туда часто убѣгала я одна и цѣлые часы проводила, стоя передъ картиной Шнейдерса или Симона Шардена. Одно обстоятельство мнѣ памятно. Въ галлереѣ не было паркета, какъ въ остальныхъ комнатахъ; полъ былъ выкрашенъ и довольно неудачно. Забывшись передъ картиной, я уже не могла сдвинуть ногъ, прилипшихъ къ полу. Я разулась и съ хохотомъ убѣжала, оставивъ башмаки приклеенными къ полу. Впослѣдствіи исправили это неудобство.

Но краше всего въ Михайловскомъ и лучшей моей радостью была моя маленькая сестра Лиза. Да и трудно было бы найти существо болѣе милое, плутоватое, болѣе вызывающее любовь и баловство. И въ томъ и въ другомъ недостатка не было. Уроковъ она еще не брала, но подружилась со всѣми моими учителями. Когда она кокетливо подносила конфеты учителю музыки, онъ, угрюмый нѣмецъ, улыбался и, не сводя съ нея глазъ, благодарилъ ее и качалъ головой.

— Сколько несчастныхъ,—говорилъ онъ,—погубятъ эти черные глаза и кудрявые волосы!

И въ самомъ дѣлѣ подобныхъ глазъ и не было и не будетъ: сколько въ нихъ было плутовства, нѣтъ, точнѣе, шаловливости (espiéglerie) и миловиднаго наивнаго кокетства, сколько страсти въ маленькомъ носикѣ съ подвижными, раздувающимися ноздрями, сколько ума и граціи въ улыбкѣ пурпуровыхъ губъ этого крошечнаго ротика! Позднѣе, наша наставница, Александра Васильевна Сахарова, признавалась, что сердилась на мою, признаться, часто лѣнивую сестричку только до тѣхъ поръ, пока та сидѣла, опустивъ глаза въ книгу.

— Стоитъ Лизѣ на меня поднять свои влажные съ длинными рѣсницами глаза,—говорила она,—какъ весь гнѣвъ мой немедля исчезаетъ.

Я же не понимала, чтобъ можно было сестрѣ въ чемъ либо отказать. Будучи старше ея четырьмя годами, я питала къ ней чув-

ство, болѣе похожее на любовь матери, чѣмъ сестры, и это чувство сохранилось и тогда, когда разница лѣтъ съ годами изгладилась.

Матушка намъ давала уроки Закона Божія и французскаго языка. Систему обученія она выработала себѣ сама, давая уроки братьямъ своимъ и сестрамъ, и этой, ей только принадлежащей, системой опередила свой вѣкъ. Книгъ-учебниковъ она намъ въ руки не давала, наизусть, кромѣ текстовъ катехизиса или стихотвореній, мы ничего не учили.

Французскому языку матушка обучала практикой, т. е. диктовкой, изложеніями; тутъ же устно толковала она правила этимологіи, правописанія, синтаксиса. Такимъ способомъ обучила она много молодежи, братьевъ, сестеръ, дѣтей своихъ и чужихъ, и всѣ ученики ея основательно усвоили себѣ все то, чему у нея выучились въ сравнительно скорое время.

На обученіе дѣтей были у нея прирожденныя умѣнье и способность. Къ тому же матушка, привыкнувъ съ молодыхъ лѣтъ заниматься дѣтьми, однимъ взглядомъ читала на лицѣ ихъ мысли ихъ и желанія, такъ что мои дѣти, удивленныя ея проницательностью, считали ее за святую и, конечно, безпрекословно ей повиновались. Въ свободное время матушка круглый годъ много читала, всего болѣе историческихъ, философскихъ книгъ, изъ литературы же только выдающихся писателей. Пустыхъ романовъ я у нея въ рукахъ никогда не видала. Изъ прочитаннаго она намъ часто разсказывала или прочитывала то, что могло насъ интересовать.

Отецъ въ шутку намъ говаривалъ: «O! maman sait tout et encore quelque chose» [1]).

Собственно дѣтскихъ книгъ въ двадцатыхъ годахъ не имѣлось не только на русскомъ, но даже и на французскомъ языкѣ. Paul et Virginie, Gumal et Lina, скучнѣйшій Berquin, les veillées du Château [2]) скоро были исчерпаны. Волшебныхъ сказокъ намъ не давали читать; матушка считала ихъ вредной пищей для ума.

«Павелъ и Виргинія» Бернардена, собственно говоря, нельзя назвать дѣтской книгой, но изъ всѣхъ прочихъ она намъ болѣе нравилась. Русскихъ же книгъ для дѣтей въ то время вовсе не было. Поневолѣ просиживала я, лѣтъ десяти, по цѣлымъ часамъ гдѣ нибудь въ углу, глотая отъ доски до доски трагедіи Расина, Корнеля, Вольтера и тѣ изъ комедій Мольера, которыя мнѣ дозволяли читать. Но и тутъ встрѣчались выраженія вовсе не дѣтскія и даже далеко неприличныя. За истолкованіемъ непонятыхъ мною словъ я приходила къ матушкѣ и, вѣроятно, очень затрудняла ее своими вопросами.

---

[1]) O! мама знаетъ все и еще кой-что въ придачу.

[2]) «Павелъ и Виргинія», Бернардена, «Гюмаль и Лина», Беркена, Вечера въ Замкѣ.

Матушка не была хозяйкой, если взять это слово въ принятомъ обыкновенно его значеніи. Она не бѣгала, гремя ключами, по всему дому, никогда не бранилась съ прислугой, не утопала по колѣна въ грязи скотныхъ дворовъ, но, по-моему, ея хозяйство было самое раціональное. Она соразмѣряла расходъ съ приходомъ. Никогда не слыхала я, чтобъ родители мои жаловались на безденежье, никогда не было у нихъ ни копейки долга; напротивъ они всегда помогали нуждающимся и роднымъ и чужимъ; а богатыми ихъ назвать нельзя было, особенно до полученія отцемъ въ наслѣдство села Сергіевскаго и устройства въ немъ правильнаго хозяйства [1]).

Имѣнія ихъ никогда не были заложены, и при жизни они каждаго изъ насъ надѣлили поровну очень хорошимъ имѣніемъ въ Данковскомъ уѣздѣ, Рязанской губерніи, а матушка, по завѣщанію, оставила намъ село Михайловское.

Домъ, въ которомъ мы живали въ деревнѣ, и тотъ, что нанимали въ городѣ, были всегда помѣстительные, опрятно и въ порядкѣ содержавшіеся, но безъ всякой излишней роскоши. Обѣдъ всегда сытный, вкусно изготовленный, но неприхотливый; дорогихъ винъ и ликеровъ не подавалось. Ни прислуга, ни жившіе въ домѣ (а у насъ постоянно бывали бѣдные приживальщики), ни мы, дѣти, ни въ чемъ не нуждались. Платья наши, а особенно бѣлье, всегда были безукоризненно чисты. Бѣлье мѣняли два раза въ сутки, утромъ и вечеромъ: ночныя сорочки шились съ высокимъ закрытымъ воротомъ и очень длинныя. Эта мода (chemises fermées) вошла во всеобщее употребленіе только лѣтъ тридцать спустя.

Учителей намъ брали всегда лучшихъ въ Москвѣ, т. е. вмѣстѣ и самыхъ дорогихъ. Матушка говорила, что именно для перваго основанія науки и искусства необходимо имѣть умѣлаго, правильнаго руководителя.

Для себя собственно матушка очень мало тратила, одѣваясь замѣчательно просто; платья носила дешевыя, но всегда опрятныя и со вкусомъ сшитыя; причесана и одѣта была съ самаго утра.

Званыхъ обѣдовъ, вечеровъ и баловъ у насъ никогда не бывало; никуда матушка не выѣзжала, даже въ театрѣ не бывала. Въ концерты матушка стала меня возить, только когда мнѣ минуло пятнадцать лѣтъ, и я много занималась музыкой.

Мы, дѣти, вставали рано, часовъ въ пять утра, и ложились въ семь по полудни. Когда насъ уложатъ спать зимой, въ Москвѣ, матушка выѣзжала, т. е. черезъ день проводила ранній вечеръ то у своей матери, то у искренняго друга своего, Елисаветы Евгеніевны Кашкиной. Е. Е. Кашкина была однихъ лѣтъ съ матушкой, замѣчательно умная, остроумная и веселая личность. Она съ са-

[1]) Картины отецъ купилъ, продавъ дорогое оружіе, подарки шаха Персидскаго, а матушка отдала на эту его охоту бриллианты, полученные ею въ приданое.

мыхъ молодыхъ лѣтъ связана была съ матушкой самой тѣсной дружбой. Хотя обладала очень хорошимъ, независимымъ состояніемъ, замужъ не вышла, потому что осталась вѣрна до гроба памяти любимаго ею жениха, убитаго на войнѣ 1812-го года. Всю жизнь посвятила она воспитанію племянницы, дочери брата своего, сиротѣ, которую страстно любила. Племянница Варенька и матушка моя были единственными предметами ея привязанности. Она была крестной матерью моей сестры, которая въ честь ея и названа Елисаветой.

Елисавету Евгеніевну мы, дѣти, очень любили. Ея живой, веселый нравъ былъ совершенно противоположенъ сдержанному и спокойному характеру нашей матери; на этомъ, повидимому, противорѣчіи и основана была ихъ неизмѣнная дружба. Бывало, только войдетъ къ намъ въ домъ Елисавета Евгеніевна, какъ ужъ изъ передней раздается ея звонкій, веселый голосъ, и мы всѣ бѣжимъ къ ней на встрѣчу.

Я уже сказала, что матушка, какъ говорится, всегда сводила концы съ концами. Въ двадцатыхъ годахъ сельское хозяйство было не такъ сложно, какъ оно стало теперь со времени освобожденія крестьянъ. Отецъ, почти всегда занятый службой, хозяйствомъ мало занимался. Матушка, соединяя благоразумную экономію со врожденной гуманностью, вела отлично всѣ дѣла.

Помню, какъ въ голодный 1830—1831 годъ мы въ городъ не ѣздили, зимовали въ деревнѣ, въ селѣ Сергіевскомъ, хлѣба продали самую малость. Зато каждое первое число каждаго мѣсяца я видѣла, какъ мимо нашихъ оконъ проѣзжали наши крестьяне въ саняхъ, а позднѣе на телѣгахъ и, весело съ нами раскланиваясь, подъѣзжали къ господской житницѣ, гдѣ отсыпали для семей ихъ даровое продовольствіе мукой и крупой на весь слѣдующій мѣсяцъ. То же самое повторилось и въ 1840 году и у мужа моего и у родителей моихъ. Не даромъ же ихъ крестьяне такъ жалѣютъ объ уничтоженіи крѣпостнаго права.

«Тогда,—говорятъ они,—мы жили, какъ у Христа за пазушкой [1]).

[1]) Особенно видѣли они эту разницу въ 1891—1892 году. Такого голода, какой мы тогда терпѣли, я еще не видала, хотя пережила на своемъ вѣку два голода. Земская и государственная помощь были недостаточны, и если бы не даровыя столовыя, открытыя графомъ Львомъ Николаевичемъ Толстымъ въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Епифанскаго, Ефремовскаго и Данковскаго уѣзда, много народа померло бы съ голода. Не считая той же благотворительной дѣятельности сыновей графа въ другихъ мѣстностяхъ, но въ названныхъ выше уѣздахъ Левъ Николаевичъ въ продолженіе года прокормилъ болѣе 20.000 человѣкъ.

Мы, терпѣвшіе сряду два неурожайные 1890 и 1891 годы, въ которые не продали ни зерна хлѣба, не только не были въ состояніи раздавать его нуждающимся, но еле обсѣменили свои поля и принуждены были (въ первый разъ въ моей жизни) въ деревнѣ покупать по 1 р. 15 к. за пудъ слежавшуюся, затхлую ржаную муку, которую мѣшали пополамъ съ картофелемъ и пекли изъ этой смѣси

Отецъ любилъ хорошихъ лошадей, у него былъ свой небольшой заводъ. Былъ у него и красивый скотъ тирольской породы. Рослые, добрые кони своего завода легко везли приличные наши экипажи. Все было въ порядкѣ—и дѣла и обстановка, но роскоши не было, и ни за кѣмъ мы не тянулись. Если тратить только на одно полезное, не увлекаясь тщеславіемъ, то и съ небольшимъ достаткомъ можно жить, не терпя нужды и не жалуясь на судьбу. Если же допустить безсмысленныя прихоти, то безумнымъ желаніямъ не будетъ границъ.

Матушка, отказавшись отъ общества ради нашего воспитанія, вѣроятно, принесла большую жертву, о которой она впрочемъ никогда не жалѣла. Создана она была для общества, въ которомъ всегда могла блистать смолоду красотой, а до старости умомъ, образованіемъ и замѣчательнымъ умѣньемъ владѣть разговорнымъ языкомъ (esprit de conversation).

— Quand on cause avec madame Bibicoff,—говаривали мнѣ молодые люди, когда матушкѣ было за шестьдесятъ лѣтъ,—on oublie ses cheveux blancs pour ne se souvenir que de ses yeux noirs [1]).

Въ ея гостиной всякій себя чувствовалъ «à son aise» [2]), и всѣмъ было весело, несмотря на то, что у нея всегда соблюдалось строгое приличіе.

«Послѣ моего замужества», разсказывала намъ мать, «къ намъ часто ѣзжали товарищи моего мужа, военные; я считала долгомъ принимать ихъ любезно и всегда имъ сама въ гостиной чай разливала, но эти господа отучили меня отъ этого занятія. Однажды, пріѣхалъ одинъ изъ кавказскихъ сослуживцевъ вашего отца. Я невзначай спросила его: любитъ ли онъ чай? сколько чашекъ пьетъ его?

— «Двѣнадцать стакановъ съ ромомъ и двѣнадцать безъ рома,— отвѣчалъ онъ.

«Съ этого дня я самоваръ сослала въ буфетъ».

Каждое воскресенье ходили мы къ обѣднѣ съ матушкой, а, возвратясь отъ обѣдни, она насъ усаживала около себя и читала намъ вслухъ главу изъ Евангелія или изъ «Imitation de Jésus-Christ» [3]). Сознаюсь, что и Евангеліе и Библію мы читали пофранцузски, хотя воспитывались въ православіи.

хлѣбъ, который ѣли мы, взрослые, и дѣти, и прислуга наша за обѣдомъ и даже съ часомъ. Старыя наши крестьянки, помнившія 1840 годъ, говорили мнѣ:

«Тогда вы, господа, не только насъ кормили, но и скотину нашу; посыпку ей давали, вся цѣла осталась, а теперь мужики и лошадей, и коровъ, и овецъ распродали, ни молока нѣтъ ребятамъ, да не на чемъ пахать будетъ. Что говорить? тогда голодный годъ безъ нужды прожили».

[1]) «Когда разговариваешь съ госпожею Бибиковой, то забываешь о ея бѣлыхъ волосахъ, а помнишь только ея черные глаза».

[2]) «Привольно, не стѣсненнымъ».

[3]) «Подражаніе Христу».

Каждый день, а попреимуществу въ воскресенье, къ матушкѣ приходили изъ своей и изъ сосѣднихъ деревень больные крестьяне и крестьянки, которыхъ она самыми простыми средствами лѣчила очень успѣшно по лѣчебникамъ Гуфеланда и Каменецкаго.

Прибавлю здѣсь одну весьма странную особенность матери моей. Вотъ что она сама намъ разсказала.

«Когда я была еще молодой дѣвушкой, у меня была тетушка, сестра моей матери, г-жа Сумбулова; дѣтей у нея не было. Меня она любила болѣе всѣхъ своихъ племянницъ, и я также къ ней очень привязалась. При послѣдней ея болѣзни я за ней постоянно ходила. Однажды, она очень ослабла, и такъ какъ я сидѣла у ея изголовья, она положила голову на мое плечо и долго такъ отдыхала. Я боялась пошевельнуться, чтобъ ея не безпокоить. Но вдругъ она подняла голову и переложила ее на подушку... и тутъ же скончалась. Точно не хотѣла она оставить мнѣ непріятнаго чувства держать на плечѣ холодѣвшій трупъ ея... Это меня до слезъ тронуло, этой минуты забыть не могу.

«Но вообразите себѣ, что съ тѣхъ поръ, какое бы несчастіе ни приключилось въ моей семьѣ, тетушка Сумбулова является ко мнѣ во снѣ и предсказываетъ мнѣ то, что должно случиться. Это ужасно! Я такъ любила тетушку, а съ тѣхъ поръ всякій разъ пугаюсь, когда ее вижу во снѣ».

И точно, матушка, бывало проснувшись, намъ скажетъ:

«Я опять видѣла во снѣ тетушку Сумбулову. Она сказала мнѣ, что вашъ отецъ будетъ опасно боленъ».

Или: «умретъ родственникъ черноволосый, высокаго роста».

Или: «умретъ молодой, бѣлокурый».

Или: «умретъ такая-то родственница» и т. д.

И всегда вскорѣ случалось то, что она говорила. Такимъ образомъ матушка предсказала, что она въ послѣдній разъ въ селѣ Сергіевскомъ и болѣе туда не вернется, хотя, живя по зимамъ въ Москвѣ, она привыкла каждое лѣто съ батюшкой туда пріѣзжать; впередъ сказала матушка, сколько лѣтъ ей осталось жить, и проч.

«Передъ смертью вашей сестры Вѣры, скончавшейся младенцемъ [1]),—разсказывала матушка,—тетушка Сумбулова явилась мнѣ во снѣ и сказала:

— «Теперь предстоитъ тебѣ такое горе, что ты его не переживешь.

«И стала тащить меня въ открытую могилу. Но я отъ нея вырвалась и—проснулась».

Какая-то благочестивая душа посовѣтовала матушкѣ отслужить по теткѣ панихиду; она велѣла ихъ отслужить нѣсколько, и какъ бы странно это ни показалось, но съ тѣхъ поръ тетка перестала ей являться.

---

[1]) Вѣра была на два года моложе меня; матушка сама ее кормила: она прожила только десять мѣсяцевъ: я едва ее помню.

VIII.

Поѣздка на маневры въ Вязьму. — Императоръ Николай I. — Великій князь Михаилъ Павловичъ. — Лейбъ-медикъ Вилье. — Поѣздка въ Нижній Новгородъ. — Муромскіе лѣса. — Макарьевская ярмарка. — Обѣдъ у губернатора. — А. П. Попова.

Батюшка занималъ на государственной службѣ довольно важное мѣсто. Онъ часто ѣзжалъ по какимъ-то ревизіямъ. Матушка, горячо его любившая, иногда сопровождала его, брала и насъ, дѣвочекъ, съ собой. Такимъ образомъ ѣздили мы на маневры, бывшіе близъ города Вязьмы [1]) въ началѣ царствованія императора Николая I Павловича (должно быть, весною въ 1827 году). Отецъ былъ туда временно откомандированъ.

Мы, обѣ дѣвочки, съ матушкой и другими дамами дожидались въ соборѣ города Вязьмы, куда долженъ былъ прямо пріѣхать государь. Мнѣ было лѣтъ восемь, сестрѣ—четыре года.

Насъ двухъ поставили впереди всѣхъ на красное сукно, гдѣ стоялъ молодой царь. Великій князь Михаилъ Павловичъ, генералъ Дибичъ и прочіе изъ свиты государя стояли позади насъ. Мы же съ сестрой стояли такъ близко отъ царя, что могли уловить движеніе каждой его черты, слышать каждое его слово. Николай I былъ тогда во всей красѣ молодости и величія. Особенно поразили меня его чудные, сѣрые глаза, какъ сталь холодные и какъ сталь блестящіе. Увидавъ ихъ разъ, забыть ихъ было невозможно.

Когда подали царю просфору, онъ взялъ ее и окликнулъ стоящаго позади генерала Дибича: тотъ поспѣшно, маленькими шажками, подошелъ и съ поклономъ принялъ изъ рукъ его просфору. Боже мой! какъ мизеренъ и гадокъ показался мнѣ маленькій, толстый, неуклюжій Дибичъ рядомъ съ величественнымъ красавцемъ Николаемъ I!

«Тотчасъ видно, что царь!» — подумала я своимъ дѣтскимъ умишкомъ.

Мой дядя, Илья Гавриловичъ Бибиковъ, любимый братъ моей матери, адъютантомъ сопровождалъ великаго князя Михаила Павловича, который его очень любилъ. Возвращаясь вмѣстѣ изъ собора, великій князь у него спросилъ:

— Какія это хорошенькія дѣвочки стояли въ соборѣ возлѣ насъ?

— Неужели, ваше высочество, вы не узнали моей крови? Это мои племянницы, Бибиковы.

Съ тѣхъ поръ, когда мы гуляли по улицамъ Вязьмы и встрѣчали государя и великаго князя Михаила Павловича, что случалось иногда по пяти разъ въ день, потому что городъ былъ небольшой, уѣздный, то и государь и великій князь усердно съ нами раскла-

[1]) Вязьма, уѣздный городъ Смоленской губерніи, славится своими пряниками.

нивались къ неописанному восторгу нашей гувернантки, глупѣйшей майорши-нѣмки, которую матушка должна была взять съ собой, боясь ей поручить безъ себя двухъ моихъ братьевъ: съ ними оставила она вѣрную и заботливую Марью Андреевну.

Чтобъ отвести отцу моему въ Вязьмѣ, по возможности, удобную казенную квартиру, выпроводили какое-то судебное присутствіе и наскоро выбѣлили стѣны, но потолковъ выбѣлить не успѣли, такъ что на потолкахъ осталось безчисленное множество чернильныхъ пятенъ всякаго размѣра; всѣ потолки были ими испещрены.

Съ утра до вечера была наша квартира полна военными всѣхъ чиновъ, начиная съ начальниковъ, украшенныхъ всевозможными лентами и звѣздами, до молодыхъ офицеровъ, которые ждали въ прихожей, стоя или сидя на подоконникахъ, потому что въ городкѣ, биткомъ набитомъ всѣмъ генеральнымъ штабомъ, иностранными принцами и прочими крупными военными чинами, мебели съ трудомъ намъ доставили на гостиную, а на переднюю достать не могли.

Въ Вязьмѣ обѣдалъ у насъ однажды графъ Александръ Христофоровичъ Бенкендорфъ, а въ другой разъ Вилье, англичанинъ, государевъ лейбъ-медикъ, присутствовавшій при послѣднихъ часахъ покойнаго императора Александра I въ Таганрогѣ. Это послѣднее посѣщеніе осталось у меня въ памяти, потому что я замѣтила, что у Вилье отрубленъ былъ на рукѣ палецъ. Отецъ мнѣ позднѣе разсказалъ, что, при анатомированіи трупа, Вилье, будучи еще студентомъ, порѣзалъ палецъ скальпелемъ, зараженнымъ гнилью этого трупа, и тутъ же, не медля ни минуты, другимъ инструментомъ отсѣкъ себѣ зараженный палецъ. Энергія и хладнокровіе спасли ему жизнь [1]).

Скучно намъ съ сестрой было въ Вязьмѣ. Мы привыкли безотлучно быть съ матерью, а тутъ свѣтскія обязанности отвлекали ее отъ насъ на весь день. Привыкли мы въ красные дни лѣтніе гулять по лѣсамъ и лугамъ Михайловскаго, набирать цвѣты, землянику, грибы, которыхъ тамъ изобиліе, а тутъ принуждены были сидѣть съ глупой нѣмкой въ душной комнатѣ или гулять съ ней по пыльному, грязному городу. Даже видъ маневровъ и вкусные вяземскіе пряники насъ не утѣшали.

Государь пріѣхалъ такъ быстро, что экипажи и лошади его отстали, а городъ Вязьма въ то время былъ такъ малолюденъ и плохъ,

[1]) Вилье, по духовному завѣщанію, оставилъ все свое имущество, девять милліоновъ, городу С.-Петербургу съ тѣмъ условіемъ, чтобъ на эти деньги выстроили въ немъ медико-хирургическую академію, что и было исполнено по волѣ завѣщателя. «Англіи, писалъ онъ въ своемъ завѣщаніи, я ничѣмъ не обязанъ, хотя она и считается моимъ отечествомъ. Всю жизнь провелъ я въ Россіи, ей обязанъ я своимъ знаніемъ, образованіемъ, имуществомъ: ей же хочу его посвятить. Желаю, чтобы то, что наукой пріобрѣлъ, послужило и въ пользу наукѣ, то-есть, медицинѣ и хирургіи; и пошло бы въ пользу русскимъ».

что нигдѣ не могли царю достать приличнаго экипажа. Тогда взяли для государевыхъ разъѣздовъ нашу коляску и четверню гнѣдыхъ нашего завода вмѣстѣ съ кучеромъ нашимъ, величавымъ и красивымъ Ильей Васильевичемъ, который цѣлый день возилъ государя [1]); за этотъ день службы онъ получилъ награды отъ царя сто рублей. Но дороже всего было то, что во всю жизнь онъ могъ хвастаться передъ другими кучерами:

— Вы—что? Я-то на своей четвернѣ царя возилъ [2])!

Въ Нижній Новгородъ посланъ былъ мой отецъ ревизоромъ во время ярмарки, тогда еще носившей имя Макарьевской. Туда также сопутствовали ему матушка, сестра и я; на этотъ разъ и Марья Андреевна была съ нами.

Ѣхали мы: отецъ съ матушкой въ колескѣ; мы, дѣти, гувернантка, горничная и секретарь отца, Петръ Павловичъ Поповъ,—въ каретѣ; на козлахъ помѣщался лакей, рядомъ съ ямщикомъ.

Отецъ взялъ съ собой свою лягавую собаку, которую ночью сажалъ къ себѣ въ коляску, но днемъ она все время, безъ устали, бѣжала рядомъ съ экипажемъ, что̀ меня немало удивляло.

Ѣхали мы до Нижняго, четыреста верстъ, на почтовыхъ, двое сутокъ, день и ночь безостановочно. Пришлось нѣсколько станцій сряду ѣхать сплошными тогда, дремучими Муромскими лѣсами. На каждыхъ трехъ верстахъ стоялъ пикетъ казаковъ, которые ночью разводили огонь въ кострахъ. Лѣса были не безопасны. Я про то слышала, и мнѣ разъ показалось, что на деревѣ виситъ отрубленная блѣдная человѣческая голова. Но я никому дорогой объ этомъ не сказала ни слова; только пріѣхавъ на станцію, сообщила это матери. Конечно, надо мной посмѣялись. Впрочемъ, матушка гораздо позднѣе мнѣ разсказала, что ночью, во время нашего путешествія, попался имъ въ коляску ямщикъ очень подозрительный.

«Вижу,—разсказывала мать,—что ночью въ лѣсу, проѣхавъ съ версту послѣ казачьяго пикета, нашъ ямщикъ задерживаетъ лошадей и все на насъ оглядывается: спимъ ли мы или нѣтъ? Отецъ вашъ спалъ крѣпкимъ сномъ, а я заснуть не могла, но притворилась спящей, глаза почти закрыла, но изъ-подъ рѣсницъ наблюдала за ямщикомъ. Обернувшись еще разъ, онъ остановилъ лошадей, сошелъ съ козелъ и, будто поправляя сбрую у пристяжной, затянулъ пѣсню съ припѣвомъ:

«Пора! пора! время настало! приходите!»

[1]) Пока не прибыли экипажи изъ Москвы.

[2]) Это тотъ же кучеръ-охотникъ Илья Васильевъ, о которомъ я говорила въ первой главѣ, гдѣ упоминается охота въ киргизскихъ степяхъ.

«Я тотчасъ разбудила вашего отца, шепнувъ ему по-французски, въ чемъ дѣло. Онъ крикнулъ на ямщика и показалъ ему пистолетъ, съ которымъ въ дорогѣ не разставался. Тутъ же закричалъ каретѣ, чтобъ она отъ насъ не отставала, и оба экипажа понеслись дальше».

Въ Нижнемъ Новгородѣ намъ отвели большой домъ по сю сторону Волги, въ нѣсколькихъ десяткахъ саженяхъ отъ зданій ярмарки. Тутъ прожили мы нѣсколько недѣль; намъ было очень весело. Августъ мѣсяцъ былъ теплый, погода чудная. Мы весь день гуляли; ходили по ярмаркѣ, гдѣ насъ занимали пестрота и разнообразіе встрѣчающихся намъ восточныхъ нарядовъ. Тутъ были китайцы съ узкими глазами, длинными, черными усами и золотомъ шитыми халатами; персіяне въ длинныхъ платьяхъ изъ пунцовыхъ, голубыхъ и разноцвѣтныхъ шалей, и татары, и киргизы. Чего тамъ не было? Смотримъ—у насъ на дворѣ татаринъ садится на землю, поджавши ноги, другой ложится около него; сидячій беретъ голову лежащаго, прижимаетъ ее между колѣнъ и—въ рукахъ его блеснуло лезвее... Что такое, Боже мой? Мы чуть не вскрикнули... То была бритва! И въ одну минуту голова лежащаго обнажилась—она была выбрита догола.

А тутъ, передъ окнами, на улицѣ, турокъ разостлалъ свой коврикъ и творитъ молитву, не развлекаясь ни нами, на него смотрящими, ни прохожими, передъ нимъ останавливающимися. И все это на воздухѣ, подъ открытымъ небомъ, среди бѣлаго дня.

Удивляли насъ цѣлыя горы наложенныхъ другъ на друга чайныхъ цибиковъ, любовались соборомъ, тогда стоявшимъ на площади, посреди ярмарки; напротивъ него была мечеть, а по угламъ площади—четыре каменныхъ павильона въ китайскомъ вкусѣ. Эти павильоны служили складомъ для товаровъ богатыхъ негоціантовъ. Одинъ изъ нихъ принадлежалъ тогда суконному фабриканту, г-ну Кожевникову [1]). Онъ водилъ насъ въ свой павильонъ, который ничѣмъ не былъ перегороженъ, но до верху заваленъ цѣльными кусками сукна. Сколько ихъ тамъ было?—въ тогдашніе мои годы врядъ ли я ихъ и счесть могла.

Окна нашей квартиры обращены были къ рѣкѣ; изъ нихъ мы любовались чуднымъ видомъ. Противъ насъ, по ту сторону рѣки, на горѣ и по уступамъ ея подымался Нижній Новгородъ, увѣнчанный крѣпостными стѣнами съ ихъ башнями. Въ крѣпости и по всему городу высились колокольни церквей, съ позолоченными куполами, а по правую сторону, на высокомъ холмѣ,—монастырь съ каменною оградой. У подошвы горы сливалась Волга съ Окою; издали виднѣлась голубая полоска воды, а ближе—цѣлый лѣсъ мачтъ,

[1]) И. П. Кожевниковъ кончилъ банкротствомъ и впалъ въ нищету. Но тогда онъ былъ милліонеромъ.

цѣлый городъ судовъ. Итакъ, были тутъ три города: одинъ — древній, на горѣ, со шпилями своихъ церквей; второй — на плоскомъ противоположномъ берегу — зданія ярмарки и цѣлый кварталъ домовъ для служащихъ при ней и пріѣзжихъ гостей; третій — не менѣе людный, на водѣ, съ вѣчно движущимися лодками и судами.

Древній и новый городъ, т.-е. безконечные ряды магазиновъ и проч., соединялся деревяннымъ, пловучимъ мостомъ, до того длиннымъ, что требовалось болѣе четверти часа, чтобъ въ экипажѣ шагомъ по немъ переѣхать. Середина его разбиралась, чтобъ дать проходъ баркамъ и судамъ.

Ходили мы часто къ рѣкѣ, чтобъ поближе посмотрѣть на эти невиданныя нами дотолѣ суда; любовались, какъ крохотныя лодки, съ однимъ или двумя гребцами, ловко вертѣлись и какъ будто ныряли около огромныхъ баркасовъ. Все это намъ было ново, все занимало и оставалось въ памяти.

Губернаторъ, Храповицкій, далъ отцу парадный обѣдъ, куда взяли и насъ. Храповицкій насъ встрѣтилъ у крыльца, высадилъ матушку и меня изъ кареты, а четырехлѣтнюю сестру Лизу взялъ на руки и понесъ на верхъ по высокой, парадной лѣстницѣ губернаторскаго дома.

Длинный столъ былъ накрыть въ огромной залѣ. Усадивъ Лизу возлѣ себя, хозяинъ, во время обѣда, ее всѣмъ потчевалъ, и она, прелестная, черноглазая вострушка, была этимъ очень довольна, вовсе не конфузилась и угощалась на славу [1]).

Тутъ же, въ Нижнемъ Новгородѣ, познакомились мы съ родственниками моего отца, Новосильцевыми. Ихъ было три сестры, дѣвушки, и два молодыхъ брата, всѣ замѣчательно высокаго роста и красивые собой, особенно меньшой братъ, Александръ. Всѣ они были милыя, добрыя, симпатичныя личности; они матушку очень полюбили, ѣздили къ намъ ежедневно, а съ нами, дѣтьми, играли и всегда ласково разговаривали.

Ѣздили мы съ матушкой черезъ пловучій мостъ въ старый городъ осматривать крѣпость, куда съ трудомъ вывезли нашу карету въ гору по крутой, въ двадцатыхъ годахъ плохо мощенной улицѣ. Въ крѣпости стояла каменная церковь, гдѣ покоился прахъ гражданина Минина; но она тогда была такъ ветха, что въ ней не служили и даже отказались намъ ее отпереть.

«Опасно», говорили...

Это было 70 лѣтъ тому назадъ. Съ тѣхъ поръ много перемѣнъ къ лучшему въ Нижнемъ Новгородѣ, церковь великолѣпно реставри-

[1]) Ей предложили вина, но она отказалась и попросила квасу. Но, конечно, квасу на парадномъ обѣдѣ не оказалось. Тогда губернаторъ приказалъ адъютанту велѣть принести квасу. Тотъ вскочилъ изъ-за стола и побѣжалъ исполнить капризъ дѣвочки, и квасу ей не медля принесли.

рована, и можно безопасно поклониться праху знаменитаго спасителя отечества нашего.

Въ числѣ же перемѣнъ не къ лучшему полагаю, что жизнь въ Нижнемъ Новгородѣ теперь во время ярмарки гораздо дороже, чѣмъ она была въ 20-хъ годахъ, когда пути сообщенія со столицами были гораздо затруднительнѣе. Такъ какъ заказъ обѣда и расходъ по кухнѣ порученъ былъ мнѣ, то помню, какъ вся съѣстная провизія была дешева, а изъ разговоровъ съ тетушками Новосильцевыми я убѣдилась, что платила настоящую цѣну. Мы и люди наши ѣли ежедневно уху изъ живыхъ стерлядей; у насъ за столомъ подавались также свѣжія стерляди, было и мясное блюдо, и пирожки, и пирожное. Насъ обѣдало господъ и прислуги семь человѣкъ взрослыхъ и двое дѣтей; весь же ежедневный расходъ не превышалъ двухъ рублей съ копейками на ассигнаціи. Какъ теперь, вижу бумажку со счетомъ, которую вручалъ мнѣ нашъ поваръ.

Какъ я выше говорила, съ отцемъ пріѣзжалъ въ Нижній Новгородъ его секретарь, Петръ Павловичъ Поповъ; старшій сынъ его Александръ Петровичъ одно время съ нами воспитывался. Онъ былъ четырьмя годами старше меня; съ нами учился онъ у матушки катехизису, у стараго француза monsieur Doublet [1]), гувернера моего старшаго брата,—французскому и латинскому языку. Александру Попову было тогда лѣтъ тринадцать. Присмотръ за нимъ такъ же, какъ за нами, былъ очень строгій. Утромъ, въ Михайловскомъ, матушка какъ-то увидала, какъ Поповъ крадется въ кухню и смотритъ, какъ рѣжутъ и потрошатъ птицу и поросятъ къ обѣду. Она пришла въ ужасъ, усмотрѣвъ въ этомъ поступкѣ кровожадные инстинкты. Мальчикъ подвергся выговору, и строго-настрого ему было запрещено впередъ ходить въ кухню.

Впослѣдствіи, Александръ Петровичъ Поповъ, кончивъ блистательно курсъ въ Московскомъ университетскомъ медицинскомъ факультетѣ, сдѣлался знаменитымъ хирургомъ со степенью доктора медицины, наконецъ главнымъ врачемъ, директоромъ Ново-Екатерининской больницы въ Москвѣ. Дружба наша съ нимъ поддержалась до старости. Онъ, смѣясь, потомъ разсказывалъ моему отцу и матери, какъ въ дѣтствѣ его мучило любопытство узнать то, что

[1]) Г-нъ Дубле (Doublet) былъ дворянинъ-эмигрантъ; находился въ числѣ gardes du corps, тѣлохранителей, защищавшихъ во дворцѣ, Луврѣ, несчастнаго Людовика XVI во время нападенія на него народной толпы. Потерявъ во время революціи свое имѣніе «But aux chenes», онъ прибылъ въ Россію, гдѣ жилъ своимъ трудомъ: онъ познакомилъ насъ съ своей женой, которая была совершенная grande dame, аристократка. Сынъ ихъ, чтобъ прокормить семью, открылъ въ Москвѣ, на Кузнецкомъ мосту, конфектный магазинъ, который тогда былъ лучшимъ въ столицѣ. Всѣ дочери его были красавицы и воспитывались у бабушки своей въ Парижѣ. Одна изъ меньшихъ, Жозефина, вышла замужъ за книгопродавца, негоціанта Владиміра Готье.

кроется внутри тѣла, какіе тамъ, и какъ устроены пищеварительные органы, вотъ причина, почему онъ крался въ кухню и разглядывалъ внутренности битыхъ птицъ и животныхъ.

— «Видишь, Софи,—смѣясь сказалъ отецъ,—какъ ты чуть не загубила въ зародышѣ таланта и будущности Попова!»

Выйдя въ отставку, отецъ занялся хозяйствомъ, а въ свободные часы дѣлалъ переводы съ иностранныхъ языковъ на русскій и писалъ стихи. Нѣкоторые изъ нихъ были въ то время напечатаны, а стихотвореніе его «Десятая Пятница» было напечатано въ 1896 г. въ «Тобольскихъ Вѣдомостяхъ», но любимой забавой его были ружейная и псовая охота.

IX.

Село Сергіевское.—Наша жизнь въ немъ.—Степные помѣщики.—Доморощенное представленіе.—Агашка.—Старушка П.—П. П. Аксеновъ.—Его жена и дѣти.—Печальная судьба жены П. П. Аксенова.

Въ 20-хъ годахъ нашего вѣка, Рязанскую губернію называли степною, и мало кто тамъ живалъ изъ тѣхъ, которые, справедливо ли или нѣтъ, считались хорошимъ обществомъ. Изъ степныхъ имѣній получали доходы, которые проживались въ столицахъ или подмосковныхъ.

Село Сергіевское, Рязанской губерніи, Данковскаго уѣзда, около 3.000 десятинъ черноземной почвы (какъ уже говорила я въ I главѣ), досталось отцу моему по завѣщанію мачихи. Первое время управлялъ имъ тотъ же самый приказчикъ изъ дворовыхъ, что былъ еще при покойной барынѣ. Отецъ служилъ и только урывками наѣзжалъ въ степное имѣніе.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Въ Сергіевское мы не ѣздили, а живали зимой въ Москвѣ, а лѣтомъ въ Михайловскомъ. Но, въ концѣ 20-хъ годовъ, отецъ, хотя и служилъ, но рѣшился отпустить стараго приказчика, самому заняться степнымъ сельскимъ хозяйствомъ и проводить въ Сергіевскомъ всѣ даваемые ему отпуски, потому что при старомъ управителѣ дѣло шло черезчуръ плохо.

Къ тому же степной край изобиловалъ тогда всякой дичью, отецъ же былъ, какъ я уже говорилъ, страстнымъ охотникомъ; въ настоящее время степью этотъ край назвать уже нельзя, но въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія онъ подлинно былъ степью, населенной дикарями. И въ ней поселился отецъ со всѣмъ семействомъ.

Матушка, изъ любви къ мужу, согласна была на всѣ лишенія, но мы, дѣти, были въ отчаяніи, покинувъ наше прелестное Михайловское съ его цвѣтущими лугами, ароматными лѣсами, песчаной почвой, на которой самый обильный дождь, по прошествіи ча-

са, не оставлялъ и слѣда: гуляй, куда хочешь! А тутъ что?—Вмѣсто дома-дворца, съ дорогой мнѣ картинной галлереей, большими террасами, просторными дѣтскими, попали мы въ низенькій домикъ, составленный изъ двухъ избъ и сѣней ихъ, крытый соломой; негдѣ развернуться, поиграть, а выйдешь изъ дома—пустое мѣсто, сада нѣтъ, цвѣтовъ нѣтъ. Вмѣсто прозрачныхъ, хрустальныхъ волнъ милой намъ Москвы-рѣчки, струившейся по бѣлому песку между красивыми зелеными берегами, поросшими лѣсомъ или окаймленными цвѣтущими лугами—тинистый прудъ, въ желтую и мутную воду котораго намъ гадко было погружаться. А земля? эта черная земля (дорогая владѣльцу), эта при малѣйшемъ дождѣ невылазная черная грязь—наводили на насъ такое уныніе, такую тоску, что мы бродили, какъ тѣни Дантова ада.

Хуже всего для насъ было то, что въ Сергіевскомъ, выстроенномъ на низменности, было полное отсутствіе всякаго вида. Этотъ стѣсненный со всѣхъ сторонъ, узкій горизонтъ давилъ насъ, точно само небо спустилось надъ нами свинцовымъ сводомъ, мѣшало намъ свободно дышать, будто изъ длинно-зоркихъ сдѣлалъ насъ близорукими. Понимаю вполнѣ, что горные жители въ равнинахъ умираютъ съ тоски по родинѣ.

Лѣса были такъ далеко отъ усадьбы, что пѣшкомъ добраться до нихъ было невозможно, особенно по этой черной пыли или черной грязи. Ни грибовъ, ни ягодъ, ни цвѣтовъ! Наше до тѣхъ поръ ликующее, безоблачное дѣтство вдругъ омрачилось. Съ того времени прошло почти три четверти вѣка, а я еще живо помню эту тяжелую для насъ пору.

Матушка, какъ всегда, ясная и спокойная, и не показывала, до чего, вѣроятно, и ей тяжела была перемѣна жизни, а старалась только насъ развлечь. Намъ запрягали ежедневно тройкой длинную линейку и катали по окрестностямъ; возили въ лѣсъ съ разными съѣстными припасами, чтобъ, погулявши, могли и закусить. Понемногу мы стали привыкать къ новому мѣстожительству.

Матушка, съ своей стороны, принудила себя заниматься чуждымъ ей до тѣхъ поръ степнымъ сельскимъ хозяйствомъ; оно было необходимо по случаю служебныхъ отсутствій отца. Повела она дѣла отлично; доходы увеличивались съ каждымъ годомъ. Но могла ли она, привыкшая къ образованному обществу, сжиться съ тѣмъ, что составляло наше степное сосѣдство?

Тотъ, кто читалъ «Семейную хронику» Аксакова, помнитъ впечатлѣніе, произведенное на молодую Багрову пріѣздомъ ея къ свекру въ степь. Къ счастію, хотя матушка жила въ первое время въ двухъ сплоченныхъ избахъ, произведенныхъ въ хоромы, но она жила дома, у себя, хозяйкой и свободной въ своихъ дѣйствіяхъ. Привыкшая весь день заниматься нами, дѣтьми, и боясь, что деревенскія знакомства помѣшаютъ ей быть съ нами неразлучной, при-

томъ сознавая чутьемъ то, чѣмъ были ея сосѣди, она сначала замкнулась въ четырехъ стѣнахъ и ни къ кому не поѣхала съ визитомъ. Это поведеніе было противно всѣмъ правиламъ учтивости по степнымъ понятіямъ. Новопріѣзжіе обязаны были ѣхать знакомиться со старожилами. Матушка прослыла гордячкой, московской комъ-ильфо [1]), что̀ постепному равнялось бранному слову.

Стали сосѣди ждать да поджидать перваго визита новопріѣзжей, но, видя, что трудъ напрасенъ, они, конечно, изъ неопреодолимаго любопытства, начали одинъ за другимъ являться въ село Сергіевское—знакомиться. Первые появившіеся немедленно довели до свѣдѣнія остальныхъ, что «гордячка»—вовсе не горда, напротивъ, очень любезная, внимательная хозяйка, къ тому же—хороша собой.

Потекли къ намъ сосѣди со всѣхъ сторонъ. Это случилось съ самаго перваго пребыванія родныхъ въ степи. Когда же, нѣсколько лѣтъ спустя, мы изъ Михайловскаго переселились въ Сергіевское, то мы, привыкшіе къ постоянному обществу матери, скучали съ нашими гувернантками, а матушка, хотя изъ вѣжливости того не показывала, но также скучала среди незванныхъ гостей, съ которыми не имѣла ничего общаго. Однѣ сплетни, отсутствіе всякаго образованія и любознательности, невыносимая ею игра въ карты — вотъ то, что она въ нихъ нашла.

А тутъ являлись эти сосѣди, часто съ цѣлой ордой дѣтей, воспитанныхъ по ихъ образу и подобію, и оставались, по принятому у нихъ обычаю, не прошенные, гостить по два, по три дня, иногда и цѣлую недѣлю. Матушка пришла въ отчаяніе.

Домикъ тѣсный, куда помѣстить эту орду гостей? Одно она свято соблюдала. Въ нашу дѣтскую комнату никогда съ нами не помѣщала пріѣзжихъ, боясь для насъ сближенія съ чужими дѣтьми, въ которыхъ просвѣчивала уже испорченная нравственность.

Но что дѣлать? — на полу въ гостиной, въ столовой навалятъ перинъ, а иногда для дѣтей просто сѣна, покроютъ коврами, постелютъ поверхъ простынями, одѣялами, наложатъ подушекъ, и пріѣзжіе «вповалку» на этомъ спятъ. Это ихъ не смущало, не мѣшало продолжать своего гощенія.

Между тѣмъ, матушка съ умысломъ не спѣшила отдавать визитовъ. Наконецъ, поѣхала утромъ, посидѣла въ гостяхъ съ часъ и велѣла подавать лошадей, которыхъ впередъ запретила кучеру отпрягать.

— Какъ?—съ удивленіемъ воскликнули хозяева.—Вы хотите ѣхать? А мы думали, вы останетесь у насъ ночевать? (Это за восемь верстъ отъ дома!)

— Извините, не могу.

— Ну, хоть откушайте у насъ!

---

[1]) «Comme il faut».

— Извините, меня дѣти ждутъ къ обѣду.

Такимъ образомъ, матушка уѣзжала, возбудивъ негодованіе хозяевъ, отдавшихъ уже приказъ перерѣзать горло домашней птицѣ, а, можетъ быть, и зарѣзать быка, чтобы угостить московскую гостью.

«Мало-по-малу, разсказывала матушка, отучила я сосѣдей поселяться у меня на нѣсколько дней и пріучила къ утреннимъ визитамъ. Они стали бояться быть не «комъ-иль-фо» и захотѣли, хоть тѣмъ, подражать столичнымъ модамъ. А я-то какъ рада была опять возвратиться къ обычнымъ своимъ занятіямъ».

Однажды матушкѣ невозможно было, не обидѣвъ кровно старушку сосѣдку и старика ея мужа, добрыхъ впрочемъ людей, отказаться пріѣхать къ нимъ на какія-то именины. Насъ же она никогда никуда не возила.

На этомъ званомъ вечерѣ, такъ какъ матушка въ карты не играла, хозяйка захотѣла занять ее тѣмъ, чѣмъ сама привыкла забавляться.

— Хотите вы, Софья Гавриловна, посмотрѣть Агашку? Это такъ забавно!

— Съ удовольствіемъ,—отвѣтила матушка, не понимая, въ чемъ дѣло.

Хозяйка пригласила матушку въ залу, а сама вышла распорядиться. Черезъ четверть часа, дверь въ коридоръ распахивается, является толпа босой дворни, наряженной въ разныя лохмотья; у кого овчинная шуба надѣта наизворотъ и т. д.

— Вотъ и Агашка!—съ восторгомъ объявляетъ хозяйка.

То была какая-то босая баба, державшая шестъ съ перекладиной, на которой висѣла грязная, дырявая простыня, скрывавшая дѣйствующее лице, а на верху шеста привязаны были лохмотья. Сквозь дырья грязной простыни виденъ былъ любопытный глазъ, выглядывающій на невиданную до тѣхъ поръ гостью. Эта босая, грязная невидика шлепала ногами, изображая какой-то дикій танецъ подъ аккомпаниментъ дикихъ же возгласовъ окружающей ее толпы. Этотъ танецъ назывался—Агашкой (фактъ).

Артисты, удалившись наконецъ, оставили послѣ себя, принесенный ими, смрадный воздухъ.....

Представьте же себѣ образованную молодую женщину лицемъ къ лицу съ Агашкой!

Съ тѣхъ поръ матушка всѣми силами старалась избѣгать именинныхъ приглашеній.

Когда матушка стойкостью и энергіей избавилась отъ нашествія двунадесяти языковъ, жизнь наша въ Сергіевскомъ приняла нормальный характеръ. Отецъ къ дому сдѣлалъ пристройки, кругомъ развелъ садъ, насажалъ деревьевъ, кустовъ и цвѣтовъ; по пруду, длиной съ цѣлую версту, мы катались на лодкѣ. Отецъ, по пра-

вую сторону плотины, вырылъ второй прудъ съ островкомъ посрединѣ; на немъ насадилъ деревья. Въ этомъ второмъ прудѣ, болѣе глубокомъ, вода была чище, тамъ поставили намъ купальню, гдѣ мы лѣтомъ купались. Въ домѣ стали помѣщаться просторно и удобно; уроки шли, какъ слѣдуетъ, своимъ порядкомъ, и черноземъ насъ болѣе не смущалъ.

Но милое Михайловское навсегда осталось у насъ въ памяти, какъ земной рай, изъ котораго мы были изгнанниками.

Когда сестрѣ Лизѣ было пятнадцать лѣтъ, а я уже была замужемъ и прикрѣплена къ черноземной почвѣ, она съ родителями нашими провела одно лѣто въ селѣ Михайловскомъ, посѣтила съ наслажденіемъ всѣ мѣста нашихъ любимыхъ прогулокъ, а въ розовой гостиной, на розовыхъ гардинахъ окна, нашла вѣнокъ изъ полевыхъ, безсмертныхъ цвѣтовъ, который мы десять лѣтъ передъ тѣмъ къ нимъ прикололи, когда 28 іюля праздновали день, когда ей, Лизѣ, минуло 5 лѣтъ.

Но мнѣ не суждено было увидать прежняго Михайловскаго, развѣ только во снѣ. И какъ я, бывало, обрадуюсь такому сну!

Послѣ кончины матушки, земля при селѣ Михайловскомъ, по завѣщанію, досталась мнѣ, а я отдала ее дочери своей Александрѣ. Но вмѣсто дома-дворца, проданнаго на свозъ, на томъ же мѣстѣ, надъ обрывомъ, стоитъ небольшая ферма, чистенькая и опрятная. Тамъ живетъ дочь моя съ мужемъ и дѣтьми. Разница огромная!

Не хочу кончать этой главы, не прибавивъ нѣсколькихъ словъ о степныхъ нашихъ сосѣдяхъ села Сергіевскаго.

Самая старшая и всѣми уважаемая сосѣдка въ 20-хъ годахъ нашего столѣтія была восьмидесятилѣтняя старушка г-жа П. Первымъ мужемъ былъ нѣкто г. Т. Овдовѣвъ она вышла за А. П. Вотъ то, что она, полюбивъ мою мать, ей о себѣ разсказала:

«Было мнѣ, голубушка, всего двѣнадцать лѣтъ отъ роду; сижу я на полу, играю въ куклы. Входитъ моя матушка съ какимъ-то офицеромъ и говоритъ мнѣ:

— «Дочка! вотъ твой женихъ, Т—ъ.

«Я расплакалась: ужъ больно жаль мнѣ было своихъ игрушекъ! Ихъ у меня всѣ отобрали и обвѣнчали меня съ Т—мъ. Мужъ мой былъ добрый-предобрый, баловалъ меня, а я его терпѣть не могла.

«Пошелъ мой мужъ съ полкомъ на войну, а я-то молю Бога, чтобъ его тамъ убили, такъ я его ненавидѣла. Грѣшна, сударыня, была, неразумна. И наказалъ меня за то Господь Богъ. Добрый-то мужъ померъ, а я влюбилась въ негодяя, развратнаго, вышла за него замужъ и чего-чего не натерпѣлась отъ него! Одному Богу извѣстно!»

Почтенная старушка г-жа П. не жила съ мужемъ. Всѣмъ извѣстно было, что она, безупречная, принуждена была удалиться въ

свое имѣніе, Тульской губерніи [1]), гдѣ доживала свой вѣкъ у сына своего А. П. Мужъ ея, не довольствуясь грубымъ разгуломъ въ домѣ своемъ, отъ живой жены обвѣнчался съ дѣвицей изъ дворянъ К. Законная же жена никогда не изъявляла на него неудовольствія, такъ что прижитыя имъ отъ К—й дѣти считались законными, носили имя отца П. и наслѣдовали его имѣніе. Я видала его двухъ сыновей у А. А. П., который ихъ принималъ ласково, какъ братьевъ: они были недурны собой и образованные молодые люди; кромѣ хорошаго, ничего о нихъ не слыхала.

Старая г-жа П. имѣла по одному сыну отъ каждаго мужа; сама по себѣ богатая, она обоихъ сыновей наградила хорошимъ имѣніемъ; оба жили въ нашемъ сосѣдствѣ.

Былъ у насъ еще сосѣдъ, очень образованный человѣкъ. То былъ старикъ, тогда лѣтъ семидесяти, служившій еще при дворѣ императрицы Екатерины II и сохранившій всю осанку и обращеніе придворнаго вельможи, хотя обстоятельства его въ 20-хъ годахъ были очень плохи. Онъ принужденъ былъ жить и зиму, и лѣто въ своемъ селѣ, Лошакахъ, что на Дону, въ Данковскомъ уѣздѣ, Рязанской губерніи. Онъ разорился на службѣ, обогатившей его сверстниковъ. То былъ Николай Петровичъ Аксёновъ. Его высокій, стройный ростъ, утонченная учтивость, вѣчно безукоризненная бѣлизна батистоваго галстуха такъ отличали его отъ прочихъ степныхъ посѣтителей, что поразили даже меня, ребенка.

Николай Петровичъ Аксёновъ, вѣроятно, самъ радъ былъ образованному обществу, часто посѣщалъ насъ, иногда обѣдалъ, но никогда не оставался ночевать. Къ нему родные мои ѣзжали съ удовольствіемъ и насъ, дѣтей, туда съ собой брали, тогда какъ къ прочимъ сосѣдямъ никогда не возили.

Николай Петровичъ Аксёновъ, къ сожалѣнію, былъ женатъ на необразованной, хотя и хорошей женщинѣ, его любившей и ходившей за нимъ, какъ за ребенкомъ. Онъ ее къ намъ не возилъ, но матушка, будучи у нихъ, всегда ласково съ ней обращалась, что мужъ ея очень цѣнилъ.

Старикъ Аксёновъ былъ страстнымъ охотникомъ до лошадей, имѣлъ свой отличный заводъ, единственный остатокъ прежней роскоши. Такъ какъ дѣла были черезчуръ плохи, то Николай Петровичъ рѣшился разстаться съ своими любимцами. Пріѣхалъ покупатель и далъ ему 12.000 рублей чистыми деньгами за оставшіяся шесть лошадей.

Эта сумма совершенно поправила бы семейныя дѣла Аксенова: онъ получилъ деньги, лошадей увели. Но въ тотъ же вечеръ старикъ съ горя опасно заболѣлъ. Жена, немедля, ночью же отправила деньги назадъ и вернула коней.

---

[1]) Смежной съ Рязанской.

Старикъ ожилъ.

Были у нихъ два сына. Старшій, Семенъ Николаевичъ, воспитывался и служилъ въ Петербургѣ, былъ выдающимся артистомъ-гитаристомъ, проводилъ дни въ обществѣ графовъ Віельгорскихъ, меценатовъ и самихъ искусныхъ музыкантовъ. Я его мало знала.

Второй сынъ, Николай Николаевичъ, никогда не выѣзжавшій изъ деревни, часто бывалъ у насъ. Онъ нигдѣ и ничему не учился, но обладалъ юморомъ и остроуміемъ недюжиннымъ: его остроты были мѣтки и часто злы, но ему все прощалось, потому что собесѣдникомъ онъ былъ очень пріятнымъ. Въ карты игралъ замѣчательно хорошо.

Проболтавшагося до 17-ти лѣтъ среди отцовской дворни Николая Николаевича записали юнкеромъ въ какой-то полкъ, а 18-ти лѣтъ неотесаннаго малаго женили на дѣвушкѣ съ высшимъ образованіемъ, сестрѣ ученаго профессора, съ которымъ она дѣлила всѣ научные его труды. У нея, какъ говорятъ, былъ женихъ, горячо ею любимый. Онъ куда-то долженъ былъ уѣхать, и ее увѣрили, что онъ умеръ, и уговорили выйти за Аксёнова. Разсказываютъ, будто въ церкви, уже послѣ вѣнчанія, она увидала въ толпѣ любимаго ею человѣка, съ отчаяніемъ на нее смотрѣвшаго... Она потеряла сознаніе.

Эта драма относится къ началу нашего столѣтія, и за достовѣрность этого разсказа я не ручаюсь. Достовѣрно только то, что свѣтски образованная молодая женщина не вынесла жизни съ нелюбимымъ, невоспитаннымъ мужемъ, вышедшимъ въ отставку и привезшимъ ее въ степную глушь, подъ начало необразованной свекрови. Она сошла съ ума... Ее отправили въ дальнюю деревню, приставивъ къ ней двухъ служанокъ изъ крѣпостныхъ. Несчастная въ зимнюю ночь убѣжала отъ заснувшихъ, нерадивыхъ сидѣлокъ и замерзла среди снѣжнаго поля. Это знаю отъ огорченныхъ ея дочерей. Ихъ было двѣ: старшая, Анна Николаевна, была умна и красива; меньшая, Софья, несмотря на большіе, черные, умные глаза, была не хороша собой, ее портилъ слишкомъ смуглый цвѣтъ лица, но она была образована въ мать и остроумна въ отца: она, какъ говорится, за словомъ въ карманъ не ходила и умѣла за себя постоять. Обѣ онѣ воспитывались въ почтенномъ и образованномъ семействѣ К., друзей ихъ матери, и, будучи обѣ любознательны, обучились грамотно не только русскому языку, но французскому, нѣмецкому и англійскому.

Онѣ обѣ пріѣзжали къ роднымъ въ с. Лошаково, а у насъ гащивали по цѣлымъ мѣсяцамъ. Матушка ихъ очень любила. Онѣ обѣ были гораздо старше меня.

Анна Николаевна вышла замужъ за г. С., а Софья гораздо позднѣе за рязанскаго помѣщика.

Судьба ихъ несчастной матери и трагическая ея кончина по-

трясли впечатлительную душу моей матери; она себѣ представляла жизнь этой страдалицы въ глуши степной деревни: ни книгъ, ни общества, ни любви... Однажды старуха Аксёнова заговорила съ матушкой о своей невѣсткѣ.

— Мы, сударыня, давно замѣчали, что наша молодая не въ своемъ умѣ.

— Почему вы это увидали?

— Да какъ же, сударыня! въ дѣтскихъ она велѣла надѣлать форточекъ, да каждый день и зимой даже ихъ отворяла. Выведетъ, бывало, дѣтей изъ комнаты и форточки откроетъ! Ну, кто же въ умѣ это станетъ дѣлать?

X.

Братъ Александръ. — Предсмертная болѣзнь и кончина отца и матери.

Кстати или некстати, запишу здѣсь случай, еще ярче характеризующій личность моего милаго брата Александра.

Въ одну изъ нашихъ поѣздокъ на своихъ лошадяхъ изъ деревни въ Москву, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, между двухъ станцій, вдругъ, среди поля поднялась вьюга и страшная мятель при 25-ти-градусномъ морозѣ. Такіе сюрпризы бываютъ въ нашей матушкѣ-Руси. Кучеръ остановилъ лошадей, сошелъ съ козелъ и, отворивъ дверцы возка, гдѣ мы всѣ четверо сидѣли съ матушкой, объявилъ, что форейторъ, ѣхавшій на уносныхъ [1]), сталъ замерзать, несмотря на теплую одежду. Въ нашихъ степныхъ мѣстахъ тогда селенія были рѣдки, до ближайшаго оставалось цѣлыхъ шестнадцать верстъ. Какъ тутъ быть?

Матушка растерялась. Тогда пятнадцатилѣтній братъ Александръ, не говоря ни слова, вылѣзъ изъ возка, посадилъ къ намъ на свое мѣсто форейтора, который тотчасъ согрѣлся, самъ же сѣлъ на его лошадь, взялъ другую за поводъ и благополучно довезъ насъ до станціи. Молодецъ былъ милый, великодушный Александръ!

Братъ вступилъ шестнадцати лѣтъ въ юнкерскую школу, въ Петербургѣ, а оттуда въ гвардейскій егерскій полкъ офицеромъ. Двадцати шести лѣтъ женился на Марьѣ Николаевнѣ Небольсиной [2]) и былъ военнымъ чиновникомъ особыхъ порученій при московскомъ генералъ-губернаторѣ. Во время крымской войны онъ перешелъ въ дѣйствующую армію и повелъ свой баталіонъ въ Севастополь, гдѣ и погибъ, оставивъ молодую вдову и пять человѣкъ дѣтей.

---

[1]) Уносныя лошади, запряженныя впереди на длинныхъ постромкахъ; на правой лошади сидитъ форейторъ, а лѣвую держитъ за поводъ.

[2]) Дочери П. А. Небольсина, московскаго губернскаго предводителя дворянства.

Можетъ быть, со временемъ вспомню еще другія подробности, дополняющія характеристику другихъ членовъ семьи моей, теперь же опишу только трогательную кончину любимыхъ мною отца и матери.

Въ 1845 году, отецъ мой простудился осенью на охотѣ и опасно заболѣлъ въ деревнѣ воспаленіемъ легкихъ. Онъ былъ при смерти боленъ; матушка день и ночь за нимъ ходила. Сама она была всегда слабаго здоровья, и тутъ, съ горя и усталости, у нея пошла кровь горломъ. Отецъ выздоровѣлъ, но потрясенный организмъ никогда болѣе не приходилъ въ прежнее здоровое состояніе. Отецъ не могъ уже, какъ бывало, по цѣлымъ днямъ не сходить съ лошади, ѣздилъ на охоту въ экипажѣ, а въ экипажѣ—что за охота? Наконецъ, родители мои переселились въ Москву и ужъ не каждый годъ могли изъ города пріѣзжать на лѣто въ деревню.

Зимой отецъ иногда катался по Москвѣ въ саняхъ, ѣздилъ въ Охотный рядъ покупать себѣ птицъ, которыхъ у него въ огромной клѣткѣ бывало много всякихъ породъ. Матушка же зимой никуда не выѣзжала, но родные, и дальніе и близкіе, и знакомые, ее ежедневно посѣщали. Иногда въ ея квартирѣ застанешь утромъ цѣлый раутъ. Она всѣхъ принимала радушно, любезно. Я уже говорила, что она владѣла разговорнымъ языкомъ, какъ никто, и что въ гостиной ея и старымъ и молодымъ всегда было весело.

Матушка рано посѣдѣла, но волосы у нея были очень густы; она подъ круглымъ, бѣлымъ чепцомъ всегда носила свои бѣлые, какъ снѣгъ, густые локоны. Одѣвалась она всегда тщательно, хотя просто, согласно лѣтамъ своимъ, въ темное, шелковое платье, сшитое капотомъ, и въ мантилью изъ той же матеріи. Она до глубокой старости была стройна и держалась прямо. Сиживала она всегда на простомъ, жесткомъ стулѣ, а мягкой мебели не терпѣла. Въ молодости ея мягкой мебели не было въ употребленіи. Она завела ее для насъ, молодыхъ, но часто намъ выговаривала въ этой дурной, по ея мнѣнію, привычкѣ.

— Портите вы себя этими мягкими креслами,—говорила она.— Отъ этой мягкой мебели и завелось теперь страданіе спинной кости. Въ мое время о немъ и слуха не было.

Очень можетъ быть, что она была права.

Матушка до старости сохранила большое вліяніе на меньшихъ сестеръ, которыя нѣкогда были ея ученицами. Онѣ были къ ней почтительны и уважали ея совѣты, несмотря на различіе ихъ характеровъ. Самая милая и любимая нами всѣми тётушка (послѣ кончины Александры Гавриловны) была Вѣра Гавриловна Хрущова, которая умѣла выносить самаго несноснѣйшаго изъ мужей, Петра Дмитріевича.

Между двумя меньшими матушкиными сестрами, Варварой и Марьей Гавриловными, часто изъ бездѣлицъ возникали ссоры, но матушка

являлась между ними посредницей, водворяла вновь согласіе и умѣла быть въ ладу и дружбѣ съ обѣими ими такъ же, какъ и съ невѣстками и зятьями, несмотря на различіе убѣжденій и привычекъ. Уживчивый ея нравъ и свѣтлый умъ тому способствовали.

Послѣ батюшкиной тяжкой болѣзни жили мои родители почти безвыѣздно въ Москвѣ болѣе десяти лѣтъ. Когда я, для воспитанія дочерей, также переѣхала на зиму въ столицу, то приходила ежедневно навѣщать своихъ стариковъ, а когда, по домашнимъ обстоятельствамъ, зимовала въ деревнѣ, то пріѣзжала на нѣсколько дней съ ними повидаться.

Отецъ, съ послѣдней болѣзни, страдалъ одышкой: вѣроятно, у него сдѣлалась водянка въ груди, но лѣчиться онъ ни за что не хотѣлъ, говорилъ, что доктора ничего не знаютъ, не понимаютъ.

— Докторъ,—говорилъ онъ,—это человѣкъ, который въ темной комнатѣ машетъ палкой. Попадетъ по болѣзни — хорошо. Попадетъ по больному — убьетъ.

Послѣднюю зиму отецъ не выѣзжалъ, рѣдко вставалъ съ постели, но сидѣлъ на ней въ шлафрокѣ и въ туфляхъ, курилъ трубку, читалъ, а по вечерамъ игрывалъ въ карты, въ вистъ или въ преферансъ. У него составлялась своя партія изъ родственницъ, не гнушавшихся его шлафрока.

Въ зиму 1855—1856 годовъ, оба брата мои находились въ дѣйствующей арміи во время Крымской войны. Жена меньшаго брата Ильи, воспитанная у меня, моя крестница Наталья Яковлевна, съ двумя малолѣтними дѣтьми, оставалась въ Москвѣ, живя у моихъ родителей, въ одномъ съ ними домѣ. Старшую ея дочь назвали Софьей въ честь бабушки, а сына матушка пожелала, назвать въ честь ея отца, а моего дѣда—Гавріиломъ, чтобъ онъ напомнилъ ей любимаго ею отца Гавріила Ильича Бибикова.

Эту зиму я жила въ деревнѣ, кормила трехмѣсячнаго сына Александра: ѣхать съ ребенкомъ зимой въ Москву было не мыслимо: тогда въ нашей мѣстности желѣзныхъ дорогъ не было. Матушка же изъ Москвы мнѣ писала аккуратно два раза въ недѣлю длинныя письма отличнымъ почеркомъ. Хотя стальныя перья уже были въ употребленіи, она по привычкѣ всегда писала гусиными и предпочитала тѣ, что я ей чинила, говоря, что чиню ихъ именно по рукѣ ея; потому я, бывало, и въ деревнѣ начиню ей нѣсколько пеналовъ и перешлю ихъ въ Москву.

10-го января 1856 года, утромъ, получаю, по обыкновенію, съ почты письмо матушки, съ припиской невѣстки Натальи Яковлевны, которая, подъ ея диктовку, продолжаетъ писанныя матушкой страницы, даетъ мнѣ подробныя извѣстія о всѣхъ петербургскихъ и московскихъ родныхъ, говоритъ, что матушка на ногахъ, но не-

много слаба, потому она, Наташа, продолжаетъ письмо подъ ея диктовку.

Вечеромъ того же дня, пріѣзжаетъ къ намъ двоюродная сестра Елисавета Матвѣевна Новосильцева, съ которой мы были дружны [1]). Одного взгляда на нее было достаточно, чтобъ понять, что она пріѣхала не съ доброй вѣстью... Она созналась, что получила эстафету [2]) изъ Москвы, что матушка скончалась.

Это было громовымъ ударомъ...

Я послала немедля за кормилицей, передала ей трехмѣсячнаго Александра и со старшей шестнадцатилѣтней дочерью, Софьей, въ ту же ночь уѣхала въ Москву. Я надѣялась еще разъ взглянуть на дорогія черты покойной матери, а отца взять и увезти съ собой въ деревню, зная, что матушка незамѣнима будетъ отцу.

Но Господь устроилъ иначе. Онъ предупредилъ меня...

Пріѣзжаю прямо въ квартиру старшаго моего сына, Ивана, студента Московскаго университета. Вхожу и, не снимая шубы, спрашиваю сына:

— Что дѣдушка?

— Развѣ ты не знаешь? Я писалъ тебѣ. Дѣдушка также скончался.

Я упала, потерявъ сознаніе.

На слѣдующій день, сынъ, котораго и дѣдушка и бабушка боготворили, и на долю котораго выпало счастье утѣшить ихъ послѣднія минуты, разсказалъ мнѣ всѣ подробности ихъ кончины.

— «Незадолго передъ этимъ, — сказалъ онъ, — бабушка говѣла, пріобщилась святыхъ тайнъ и чувствовала себя хорошо. 6-го января 1856 года она, по обыкновенію, приходила бесѣдовать съ дѣдушкой. Никакой боли не чувствовала, только слабость. 7-го утромъ она встала, умылась, одѣлась, но, вышедъ изъ спальни въ кабинетъ, почувствовала дурноту; горничная довела ее до постели, уложила и тотчасъ послала за мной. Я немедля прискакалъ.

«Бабушка со мною немного поговорила, потомъ заснула. Я при ней остался. Когда она проснулась, то опять сказала мнѣ нѣсколько словъ, пожала мнѣ руку и тутъ же тихо скончалась...

«Докторъ сказалъ, что у нея сдѣлался параличъ легкихъ.

«Я былъ въ отчаяньи. Я очень любилъ бабушку, а къ тому же мысль о дѣдушкѣ меня ужасала. Я послалъ за тетушкой Вѣрой Гавриловной [3]). Она тотчасъ пріѣхала.

---

[1]) Рожденная Муромцова, дочь сестры моей матери, Варвары Гавриловны. Имѣніе Новосильцевыхъ, село Себино, было въ 15-ти верстахъ отъ нашего села Никитскаго.

[2]) Тогда телеграфовъ еще не было. Эстафетой звали служащаго при почтѣ посланнаго, котораго отправляли съ письмомъ на почтовыхъ лошадяхъ. До насъ онъ могъ доѣхать только на третьи сутки.

[3]) В. Г. Хрущова, любимая сестра матушки, ея ученица.

«Пришла Наташа [1]).

«Собрались мы всѣ, да и разводимъ руками. — Какъ объявить дѣдушкѣ объ этомъ несчастьи? Вѣдь эго его убьетъ?

«Постоимъ, постоимъ, пойдемъ къ дѣдушкѣ, поговоримъ съ нимъ, посидимъ, да опять уйдемъ. Ни у кого духа не хватаетъ правду вымолвить. Опять уйдемъ, сойдемся въ гостиной, руками разведемъ и ума не приложимъ: что дѣлать?

«Такъ прошелъ весь день. Никто ничего не сказалъ. А люди такъ оробѣли, что у нихъ подавно языкъ отнялся.

— «Что станемъ дѣлать съ Иваномъ Петровичемъ? да безъ Софьи Гавриловны?—твердили они.

«Вечеромъ дѣдушка рано собрался спать. Яковъ Ермолаевъ [2]), уложивъ его, присѣлъ въ его же комнатѣ. Ни у кого изъ людей въ этотъ день и сна не было. Сидитъ Яковъ Ермолаевъ и прислушивается къ храпу барина...

«Вдругъ слышитъ — храпъ стихъ... Что это значитъ? Сидитъ еще — все тихо. Ему стало жутко. Онъ побѣжалъ наверхъ къ Наташѣ.

— «Придите, ради Бога, Наталья Яковлевна! что-то баринъ не храпитъ!

«Сбѣгаетъ Наташа, подходитъ къ дѣдушкѣ, зоветъ его. Напрасно. Онъ скончался.

«Она тутъ же упала на стулъ и громко зарыдала»...

Вмѣстѣ отпѣвали любящихъ другъ друга супруговъ въ приходской церкви св. Ермолая, что на Садовой. Какъ подъ вѣнцомъ, стояли они рядомъ въ церкви, и рядомъ лежатъ они на Ваганьковскомъ кладбищѣ. Какъ жили въ согласіи и любви, такъ и души ихъ въ одинъ и тотъ же день отлетѣли вмѣстѣ къ Всевышнему Творцу.

Екатерина Раевская.

---

[1]) Наталья Яковлевна, жена брата Ильи, моя крестница, воспитанная у меня съ моими дѣтьми.

[2]) Камердинеръ моего отца.